

НОВАЯ ПОЛЬША 4/2008

Содержание

1. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
2. ШЕНГЕНСКОЕ СЕМЕЙСТВО
3. ВСЯ ВЛАСТЬ СОВЕТАМ
4. МЕНЯ ИНТЕРЕСУЕТ КОНКРЕТНЫЙ ЧЕЛОВЕК
5. ПЕСНЯ ЕВРЕЙСКОГО МАЛЬЧИКА
6. ШРАМ ПАМЯТИ
7. “ПУЛЬС”, или ИГРА
8. ЧТО ЗНАЛ МИР О ТОВАРИЩЕСТВЕ НАУЧНЫХ КУРСОВ?
9. А ТЕПЕРЬ — РОССИЯ!
10. СЕКТОР — ТРЕТИЙ, ОПЫТ — ПЕРВОКЛАССНЫЙ
11. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ
12. КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

- “Поляки на волне энтузиазма: мы довольны своей жизнью. Это подтверждает не только „Общественный диагноз”, опросивший более 12 тыс. человек, но и последний опрос ЦИОМа, в котором приняли участие 40 тыс. респондентов. Мы перестали верить в общие цели. Сегодня мы делаем ставку на семью, брак, детей. В основном это и приносит нам удовлетворение. Хуже мы оцениваем наши доходы и перспективы” (“Дзенник”, 12 февр.)
- “Мы всё богаче — так следует из отчета портала Money.pl. Сегодня за одну среднюю зарплату мы можем купить почти 1700 буханок хлеба, а десять лет назад — меньше тысячи. Сейчас средне зарабатывающему поляку нужно откладывать деньги на дешевую машину восемь месяцев, а тогда — больше двух лет. Покупательная способность поляков увеличилась благодаря повышению зарплат и снижению цен” (“Дзенник”, 7 марта)
- “Темпы потребления растут в два раза быстрее, чем ВВП, а рост долгов значительно опережает рост сбережений. Последних у нас больше, чем у наших соседей из Центральной Европы (...) Около 22 млн. кредитов, предоставленных банками в 2007 г., и рост потребления показывают, что у многих только сейчас появилась возможность удовлетворить свои материальные потребности (...) Потребительские расходы семей в 2007 г. достигли 62% ВВП и были на 2% выше средних по ЕС (57%) (...) 77% польских семей заявляют, что не имеют никаких сбережений. (...) Долги среднестатистического поляка составляют 7 тыс. злотых. Обслуживание долга начинает превышать финансовые возможности части семей”. (“Впрост”, 9 марта)
- Януш Чапинский, социолог: “Ощущение счастья не покидает поляков с момента смены государственного строя в 1989 году. Поначалу это был всеобщий энтузиазм, вызванный достижением таких общих целей, как вступление Польши в НАТО и Евросоюз. Но уверенность, что будущее принадлежит нам, отмечается у поляков примерно с 2003 года (...) Именно тогда мы поверили, что все наши усилия начинают приносить результаты. И все же этот продолжающийся до сих пор всплеск энтузиазма по-настоящему начался только после вступления

Польши в ЕС (...) В 2004 г. первая большая группа поляков обрела веру в будущее. Это были крестьяне (...) Приток денег из Брюсселя становился все больше, и благодаря этому всё новые и новые группы общества стали понимать, что их мечты об экономическом подъеме начинают сбываться. Вступление в ЕС вызвало также быстрый рост экспорта, так что владельцы польских фирм вздохнули с облегчением (...) Мы пришли к убеждению, что чем больше времени мы будем посвящать работе, тем выше окажется наш реальный доход (...) В сознании большинства поляков представители власти им ни к чему. Мы впервые в жизни самодостаточны, и в этом — источник глубокого чувства собственной ценности и удовлетворения”. (“Дзенник”, 13 февр.)

- “Большинство поляков удовлетворены своей работой (...) Целых 96% опрошенных довольны своими отношениями с другими сотрудниками, а 85% положительно оценивают отношения с руководством”. (“Жечпосполита”, 13 февр.)
- “Почти на 10% уменьшилось число поляков, которые в прошлом году работали в Великобритании, — сообщает в своем последнем отчете британское министерство внутренних дел. В 2007 г. в британских центрах занятости зарегистрировались 147 тыс. наших соотечественников. Год назад — более 162 тысяч. С мая 2004 г., когда англичане открыли для нас рынок труда, на этот шаг решилось 508 тыс. поляков. (“Дзенник”, 28 февр.)
- “Впервые за 4 года в страну возвращается больше поляков, чем выезжает в Великобританию (...) Работа в Англии перестала нас соблазнять” (“Дзенник”, 18 февр.)
- “Данные Главного статистического управления (ГСУ) свидетельствуют, что трудоустроены уже более 15,5 млн. поляков. Эта цифра увеличилась более чем на 620 тыс. по сравнению с прошлым годом, и более чем на 1,1 млн. по сравнению с концом 2005 года. Только в последнем квартале прошлого года на работу вышло более 100 тыс. новых работников. А свободные рабочие места дожидались еще четверти миллиона. У предпринимателей имелось 253 тыс. вакансий (...) Медленно, но систематически изменяется структура занятости. Все больше поляков работает в сфере услуг, все меньше — в промышленности и сельском хозяйстве. В сфере услуг заняты в настоящий момент 8,51 млн. человек, а в промышленности — 4,86 миллиона. Четыре года назад эти данные составляли соответственно 7,35 и 3,83 миллиона”. (“Жечпосполита”, 3 марта)

- “Растет число желающих окончить курсы повышения квалификации. В прошлом году количество слушателей увеличилось на 11% — до 151 тыс. человек”. (“Жечпосполита”, 13 февр.)
- “Еще никогда зарплаты в Польше не росли так быстро, как сегодня. В прошлом году средняя зарплата составляла 2691 злотых и была реально (с учетом инфляции) на целых 6,3% выше, чем годом раньше, — сообщило ГСУ”. (“Дзенник”, 12 февр.)
- “Вчера ГСУ сообщило, что по сравнению с прошлым годом в январе розничная продажа товаров увеличилась на 20,9%. Это результат улучшения финансового положения домашних хозяйств (...) Продажа автомобилей, мотоциклов и частей к ним увеличилась на 42%, одежды и обуви — почти на 30%, а мебели, аудио-, видео- и бытовой техники — более чем на 21%”. (“Дзенник”, 26 февр.)
- “32 147 538,63 злотых — это рекордная сумма, собранная в ходе 16-го финала Большого оркестра праздничной помощи [Ежи Овсяка]. Она предназначена на помощь детям, страдающим ларингологическими заболеваниями”. (“Жечпосполита”, 4 марта)
- По подсчетам министерства финансов, инфляция в феврале составляла 4,6% (в январе — 4,3%). Рост цен поглощает почти половину годового роста зарплат (в четвертом квартале 2007 г. во всех секторах экономики зарплаты выросли почти на 9%, а в январе на одних только частных предприятиях — на 11,5%). При такой инфляции банковские вклады дают минимальную прибыль. Только в феврале цены выросли на 0,5%. Причины инфляции усматривают в росте зарплат, в растущих расходах на квартиру, во все дорожающих продуктах питания, а также в повышении цен на электроэнергию, достигающем в разных регионах страны от 11 до 15%. (“Дзенник”, “Газета выборча”, 4 марта).
- “Уже второй раз в этом году Совет монетарной политики повысил процентные ставки на 0,25%. Со вчерашнего дня ставка рефинансирования Польского национального банка (ПНБ) составляет 5,5%”. (“Дзенник”, 28 февр.)
- “В конце прошлого года нам удалось удержать экономический рост на уровне, превышающем 6% ВВП (...) По данным ГСУ, он составил 6,1%. Это означает, что четвертый квартал был самым слабым за прошлый год, когда общий рост ВВП достиг 6,5% —

рекордной отметки за последние 10 лет”. (“Газета Выборча”, 1–2 марта)

• Проф. Павел Спевак: “Растет уровень занятости. Безработица перестала сниться в кошмарах. Работодатели ищут хороших работников. Возможность заработать за границей открылась по крайней мере для части общества, причем формально наименее образованной (...) Темп экономического роста довольно высок. Газеты сообщают о росте зарплат в разных секторах экономики. Инфляция приводит к тому, что понемногу, но заметно растут цены. Растущим изобилием желают пользоваться все, тем более что зарплаты в бюджетной сфере регулируются с помощью политических решений. Интеллигенция оказалась слоем, который добился реального и заметного экономического успеха (...) Тем сильнейшую группу давления она собой представляет (...) Мы чувствуем, что сегодня правящая команда не в состоянии оказать серьезного сопротивления. Партийные лидеры будут скорее выжидать, отодвигать сроки, успокаивать забастовки, латать бюджет, но на конфронтацию ни с какой существенной социальной группой не пойдут (...) Тактика уступок пока довольно эффективна (...) Поляки не добиваются лучшего качества демократии (...) Проблема в том, как не потеряться в пространстве заработка и обогащения (...) Проигрывают слабейшие: библиотекари, воспитательницы, учителя с худшим образованием, больничные санитарки, пенсионеры. В этом ведь и заключается наша общая польская концепция солидарности и справедливости: все хотят жить лучше, но лучшие зарплаты полагаются только самым сильным и решительным” (“Впрост”, 17 февр.)

• “Больница в Журавице не может позволить себе повысить зарплаты (...) Медсестры протестуют уже три недели (...) Часть их во вторник начала голодовку. В ответ на это директор принес из дому запас полотенец, гигиенических средств, рубашек, а также спальный мешок — и присоединился к голодовке”. (“Жечпосполита”, 21 февр.)

• “Представителям трех из пяти самых высокооплачиваемых профессий (университетским преподавателям, врачам и чиновникам) зарплату выплачивает, как правило, государство. Лучше всего зарабатывают юристы, в число которых входят судьи, также оплачиваемые государством (...) Единственная внебюджетная профессия, заработки которой могут сравниться с бюджетниками, — это менеджеры крупных предприятий (...) С 1989 г. сотрудники бюджетной сферы планомерно превращаются в привилегированный класс —

неплохо зарабатывающих, защищенных от увольнений и требующих все большего. Дополнительная выгода для бюджетников — тот факт, что их работодатель — государство, а это означает, что контроль качества работы минимален. Сотрудники государственных фирм и бюджетники злоупотребляют также больничными (...) Восьмичасовой рабочий день в государственной фирме вполне дает возможность подрабатывать. Бюджетная сфера питает польскую теневую экономику (...) Польский государственный сектор — один из крупнейших в ЕС. Он вырабатывает более 20% ВВП и занимает почти 30% всех работников (...) Причина сегодняшних протестов — не столько драматическая ситуация государственных служащих, сколько их попытка урвать себе часть денег, полученных за счет экономического роста”. (Александр Пинский, Ян Пинский, “Впрост”, 17 февр.)

• Проф. Кароль Модзелевский: “Прочная граница между привилегированными и обездоленными не позволяет большим группам польского общества пользоваться благами либеральной модернизации экономики. Люди, которые знают, что их дети никогда не станут врачами, инженерами, учителями, университетскими профессорами, бизнесменами, уверены, что эту возможность у них отобрали, что у них украли победу „Солидарности” (...) Жесткие споры польской интеллигенции с правительством „Права и справедливости” (ПиС), которые закончились поражением этой партии на выборах, подтверждают тезис, что у двух частей польского общества нет общих ценностей, достаточных для диалога. Это два разных мира, говорящих на двух разных языках. У них разные системы ценностей, разное мироощущение, разный опыт” (“Газета wyborcza”, 1–2 марта)

• “Из недавних опросов, проведенных среди призывников 18–19 лет, вытекает, что 80% из них не понимают простого публицистического текста, то есть, например, того, что написано в „Политике””. (“Политика”, 8 марта)

• “Лешек Бальцерович доказывает, что каждый злотый, вложенный в автостраду или другие элементы инфраструктуры, окупается благодаря ускоряющемуся темпу экономического развития. А вот злотый, вложенный в науку, как правило, оказывается пустой тратой денег (...) 391 польский ученый, отвечая на анкету Комитета в поддержку развития польской науки, выразил, хотя и анонимно, аналогичное мнение. Уровень поступающих в вузы все ниже. Систематически снижается и качество обучения (...) В большинстве частных вузов положение еще хуже, и можно

предположить, что их образовательная ценность — отрицательная (т.е. уровень знаний в момент получения диплома ниже, чем в начале учебы)”. (Михал Зелинский, Александр Пинский, “Впрост”, 24 февр.)

• Проф. Мартин Круль: “Вызывает беспокойство тот факт, что в течение нескольких последних десятилетий связь между властью и образованием постоянно слабеет. Ярких тому примеров в Польше предостаточно — депутат или вице-премьер может обойтись без обычного аттестата зрелости (...) Массовое производство хорошо ориентирующихся в современном мире полуинтеллигентов рано или поздно приведет к какому-то кризису. Просто об этом пока никто не думает”. (“Ньюсуик-Польша”, 17 февр.)

• Проф. Павел Спевак: “В Польше хорошая модель государственного устройства (...) Она дает премьер-министру огромную власть и чрезвычайно сильную позицию (...) Но хорошо и то, что есть президент — не слишком сильный, наделенный в основном негативной властью. Это избавляет от искушения, перед которым не устоять ни одному политику, — искушения всемогуществом парламентского большинства (...) Напряжение между премьером и президентом требует от обеих сторон усилия и работы для достижения консенсуса (...) Единственное, чего недостает сегодня правительству, — это налаженных отношений с парламентом”. (“Дзенник”, 29 февр.)

• Мануэла Гретковская, писательница, основательница “Партии женщин”: “В Польше действует система политических картелей (...) У большой партии есть и будут деньги, у маленькой нет никаких шансов (...) Выборы у нас тоже диковинные. Не избиратель решает, голосовать или нет за какую-либо партию, а система поддержки крупных партий. В Испании нужно иметь 500 подписей на округ — и можно принимать участие в выборах. В Греции — 24 подписи. Есть страны, где подписей вообще не собирают, а кандидатов делегируют партии. У нас нужно пять тысяч [подписей]. Однажды пришла очень богатая дама, одна из десяти самых состоятельных людей в Польше. Предложила помощь. По закону она могла дать нам 14 тысяч, но у нее были подруги, так что эту сумму можно было умножить в несколько раз. Однако через некоторое время она позвонила и сказала, что муж ей не разрешил (...) Он — серый кардинал политического мира, помогал не одному депутату. Зачем же жене создавать ему конкуренцию?” (“Газета выборча”, 8–9 марта)

- Согласно опросу Лаборатории социологических исследований, если бы выборы прошли 7–9 марта, “Гражданская платформа” (ГП) набрала бы 60% голосов, Пис — 23%, “Левые и демократы” (Лид) — 8%, крестьянская партия ПСЛ — 5%, “Самооборона” и “Лига польских семей” (ЛПС) — по 1%. Избирательный порог составляет 5%. (“Газета Выборча”, 12 марта)

- “Ярослав Качинский — тип революционера (...) А Дональд Туск (...) демонстративно подчеркивает ценность тихой органической работы. Этим и отличаются первые сто дней правления „Гражданской платформы” и ПСЛ. После бурного правления Пис первые месяцы кабинета ГП–ПСЛ принесли что-то вроде малой стабилизации (...) Правительство неплохо справляется с социальными конфликтами (...) Туск скорректировал практически все направления нашей дипломатии”. (Михал Кшивовский, “Впрост”, 17 февр.)

- “Польша оказалась одной из пяти стран с т.н. дефицитом общего рынка. Европейская комиссия определяет его по количеству директив, которые государство не сделало в установленные сроки частью своего национального законодательства. В Польше 27 таких правовых актов, что составляет 1,7% европейского законодательства (...) По сравнению с прошлым годом Польша незначительно улучшила свое положение: вместо 29-и у нас теперь 27 недостающих директив”. (“Жечпосполита”, 15 февр.)

- “Польша истратила уже 74% средств из европейских структурных фондов, полагающихся нам в рамках программ на 2006 год (...) Страны ЕС должны использовать дотации структурных фондов на 2004–2006 гг. до конца 2008 года (...) Хуже обстоит дело с фондами сплочения, предназначенными для поддержки больших проектов в сфере инфраструктуры и охраны окружающей среды. До сих пор мы использовали только 38% бюджета на 2004–2006 годы. Впрочем, в данном случае у нас есть время до 2010 года”. (“Газета выборча”, 13 февр.)

- Проф. Людвик Томялойч, преподаватель охраны природы и сбалансированного развития во Вроцлавском университете: “Как ни странно, Польша — весьма густонаселенная страна. На каждый квадратный километр приходится 125 человек. Это в два раза больше, чем во Франции, Испании или Белоруссии и в несколько раз больше, чем в России, Швеции и США (...) Тем не менее у нас больше участков прекрасной, почти нетронутой природы, чем в Западной Европе (...) Однако угроза существует (...) В 1991 г. из нашего законодательства тайком исключили понятие заповедника. Согласно международной классификации, все польские природные резерваты относятся

к категории заказников (...). В Польше нет ни одного заповедника 1-й международной категории, в то время как в России существует более 100 заповедников, предназначенных исключительно для защиты экосистемы. Наши национальные парки относятся ко 2-й международной категории, поскольку кроме такого рода защиты они открыты для массового посещения (ежегодно в них отдыхает 10–11 млн. человек). В России, кроме прекрасных заповедников, существует еще и 33 огромных национальных парка, а у нас — только 23 небольших”. (“Пшеглэнд”, 9 марта)

- “Форсируемая некоторыми городами идея постройки мусоросжигателя удостоилась антипремии как худший проект года, финансируемый из европейских средств (...) Самые вредные для окружающей среды проекты были представлены на конференции, организованной „CEE Bankwatch Network” и „Friends of Earth Europe” (...) Бесславное первое место присуждено группе десяти польских городов, которые планируют строительство мусоросжигателя (...) В Польше только 4% отходов подлежит утилизации. Это худший показатель в ЕС. В среднем в Евросоюзе утилизируется 37% мусора”. (“Жечпосполита”, 26 февр.)

- “Вчера Сейм принял решение о том, что подписанный в декабре 2007 г. в Лиссабоне договор, реформирующий Евросоюз, будет ратифицирован парламентом. За такой способ принятия трактата проголосовало 357 депутатов, 55 были против, 7 воздержалось”. (“Жечпосполита”, 29 февр.)

- “Министр Радослав Сикорский объявил о рекордно высоких расходах МИДа на помощь развитию — в этом году более 110 млн. злотых, на 20 млн. больше, чем в 2007 году. Гуманитарная помощь финансируется из отдельных резервов (...) В 2006 г. (...) мы истратили 992 млн. злотых. Из них более 500 млн. составил польский взнос в бюджет помощи ЕС, а более 200 миллионов пошли на аннулирование старых кредитов, в т.ч. ангольских. Польша строит школы и колодцы в Африке, Ираке и Афганистане, поддерживает демократию и защиту прав человека в Белоруссии и на Украине, учреждает стипендии для молодых людей со всего мира (в этом году 2,5 тысячи). Самым крупным проектом стало создание белорусского телевидения „Белсат”, которое в прошлом году получило 16 млн. злотых (...) 25 млн. получили неправительственные организации” (“Газета wyborcza”, 28 февр.)

- “В Афганистане погибли два польских солдата. Старший капрал Шимон Словик и старший рядовой Хуберт Ковальский

подорвались на mine. Это вторая и третья жертва нашей миссии в Афганистане”. (“Дзенник”, 27 февр.)

- “Вчера Польша стала одной из последних крупных стран ЕС, но в то же время одной из первых славянских стран, признавших независимость Косова (...) Президент Лех Качинский отмежевался от решения правительства”. (“Дзенник”, 27 февр.)

- “Временный поверенный в делах Сербии в Польше Никола Зуроуац вручил представителю польского МИДа ноту протеста в связи с признанием Польшей независимости Косова”. (“Жечпосполита”, 28 февр.)

- “Россия изменила свое отношение к Польше (...) После визита Туска в Москву там будут смотреть на Польшу более реалистично (...) Мы приближаемся к золотой середине в наших отношениях. Не нужно видеть в Польше врага (...) Московские политики осознали, что и при Туске элементы американской ПРО скорее всего будут размещены в Польше. Это досадно, но с этим надо смириться (...) Российскому имиджу пойдет на пользу улучшение отношений с Польшей (...) Мы не обязаны любить друг друга, но можем стать уважающими друг друга соседями”. (Дмитрий Бабич, “Газета выборча”, 11 февр.)

- “Визит Дональда Туска в Москву открыл новый этап в польско–российских отношениях (...) Дружественная атмосфера, в которой прошел этот визит, будет несомненно благоприятствовать продолжению диалога”. (“Дзенник”, 11 февр.)

- “В министерстве экономики больше не будет группы, отвечающей за энергетическую безопасность. Вместо нее будет создана новая группа... в канцелярии премьер–министра (...) После встречи в Кремле Туск пришел к убеждению, что следует продолжать усилия предыдущей команды по диверсификации поставок газа”. (“Дзенник”, 10 марта)

- “Россия нацелит на Польшу и Чехию ядерные боеголовки, если там обнаружатся элементы ПРО, — угрожал на своей последней пресс–конференции Владимир Путин (...) Польша не для того обрела утраченный суверенитет, чтобы снова впасть в зависимость, — заявил президент Лех Качинский”. (“Жечпосполита”, 15 февр.)

- “Посол России в НАТО Дмитрий Рогозин вторично предостерег, что ответом России на размещение элементов ПРО в Чехии и Польше может быть применение силы (...) „Мы

сможем без труда обстрелять Чехию и Польшу”, — заявил он в интервью агентству „Europolitics””. („Дзенник”, 6 марта)

- “Влиятельная российская газета „Ведомости” подвергла вчера резкой критике распространившееся в последнее время мнение, будто убийство польских офицеров в Катыни в 1940 г. было делом рук не НКВД, а немцев (...) Газета добавляет, что глава польского правительства „верно заметил, что честный взгляд на Катынь для России проблематичен”. Публикации, отвергающие ответственность СССР за катынское преступление и приписывающее его немцам, появились в последние месяцы, в частности, в „Российской газете”, „Комсомольской правде” и „Независимой газете””. („Дзенник”, 14 февр.)

- “Здравый смысл подсказывает, что в ближайшие годы не следует ожидать существенного потепления в отношениях между Варшавой и Москвой (...) Для Польши прозападная Украина может стать буферным государством, отделяющим нас от России. Москва, однако, этому противится, так как для нее зависимость Киева — основное условие воссоздания империи. Польша должна также принять условия российской энергетической политики, что равносильно одобрению газового пакта Москва — Берлин и полной зависимости от российских поставок (...) Варшава не может на это пойти. Наконец, Варшава должна отказаться от размещения на своей территории элементов ПРО. Для Польши американский щит означает значительное повышение безопасности. А вот для России он перечеркивает возможность реализации доктрины „ближнего зарубежья”. Польшу и Россию делят противоречия в стратегических интересах. Таким образом, условием реального сближения могут быть только уступки одного из партнеров (...) Политическая культура Запада опирается на свободу личности, персонализм и индивидуализм. Между тем российская традиция — это автократическая власть, империя и коллективизм. Эти два мировоззрения не согласуются друг с другом, что играет не последнюю роль в сложившихся взаимоотношениях”. (Мариуш Мушинский, Кшиштоф Рак, “Впрост”, 17 февр.)

- “Сегодня исполняется 55 лет со дня смерти одного из крупнейших преступников прошлого века — Иосифа Сталина. Диктатор умер в 13-ю годовщину подписания приказа о расстреле поляков в Катыни. Тысячи расстрелянных польских офицеров — это лишь капля в море человеческих страданий, за которые он в ответе. Эти страдания выпали прежде всего на долю самих россиян”. („Жечпосполита”, 5 марта)

• На 92-м году жизни скончался генерал Армии Крайовой Антоний Хеда. В историю борьбы за независимость он вошел в ночь с 4 на 5 августа 1945 г. в качестве командующего операцией по разгрому тюрьмы в Кельце, где НКВД и госбезопасность держали около 370 бойцов АК. Ранее, в 1941 г., он разгромил немецкую тюрьму в Стараховице, освободив 80 человек. Он был арестован в 1948 г. и получил четыре смертных приговора. Жизнь ему спасло вмешательство бывших офицеров Армии Людовой, которые вели с ним совместные боевые действия во время немецкой оккупации. В 1981 г. он стал главой Независимого союза ветеранов при Независимом самоуправляющемся профсоюзе “Солидарность”. В 1982 г., после введения военного положения, Антоний Хеда был интернирован и помещен в тюрьму в Бялоленке. (“Жечпосполита”, 18 февр.)

• “По предварительным данным ГСУ, в прошлом году торговля Польши с Россией достигла рекордного уровня 15,2 млн. евро. Прежде всего это заслуга очень быстрого роста экспорта. По сравнению с прошлым годом он рос почти в два раза быстрее, чем экспорт в зону евро, и увеличился почти на четверть. В тот же период импорт вырос лишь на 7,8%. В результате отрицательное сальдо в торговле с Россией уменьшилось почти на 200 млн. евро и составило 5,8 млрд. евро (...) В нашем экспорте в Россию преобладают изделия электромашиностроительной промышленности. В течение первых 11 месяцев прошлого года (данных за весь год еще нет) их продажа увеличилась на целых 59,3% (если считать в долларах). В то же время экспорт металлургической продукции увеличился на 46,4%, а продукции химической промышленности — на 27%”. (“Дзенник”, 8–9 марта)

• Президент Грузии Михаил Саакашвили “рассчитывает на Польшу. „Именно эта страна окажет Грузии решающую поддержку при вступлении в НАТО”, — сказал он вчера в Варшаве (...) Другой темой переговоров Саакашвили были поставки нефти и газа из Азербайджана и Средней Азии в Европу в обход России. Грузия должна стать частью энергетического коридора, по которому потечет нефть также для нефтепровода Одесса — Броды — Гданьск. Президент Грузии заверил, что сделает все возможное, чтобы эти проекты осуществились”. (“Газета wyborcza”, 4 марта)

• “Где была Польша, когда „Газпром” сантиметр за сантиметром перекрывал кран с топливом нашему союзнику? (...) Когда газовый конфликт между „Газпромом” и Украиной уже набирал силу, польский премьер–министр полетел в

Москву и заверил, что Польша будет ответственным потребителем сырья”. (Эрик Станкунович, “Жечпосполита”, 10 марта)

• Проф. Богдан Осадчук: “Поодиночке мы не сумеем выступить против гегемонии России и Германии. Сегодня украинцам необходимо искать себе и других партнеров (...) Несмотря на множество трудных моментов, во времена Леха Валенсы и Леонида Кравчука, а потом Александра Квасневского и Леонида Кучмы все шло прекрасно. Особенно Квасневский продемонстрировал высокий класс в дни „оранжевой революции” (...) Главное, чтобы общественное мнение, пресса, радио и телевидение не позволили нам отдалиться друг от друга, следили за тем, чтобы политики проводили мудрую политику (...) Экономическое сотрудничество развивается неплохо. Бизнесмены всё смелее инвестируют в Польше. Кроме того у нас есть дружба, которую нельзя разорвать”. (“Жечпосполита”, 1–2 февр.)

• “По данным ГСУ, в конце сентября 2007 г. польские прямые инвестиции на Украине составили 639,8 млн. долларов. Только в третьем квартале прошлого года они увеличились почти на треть (на 157,2 млн. долларов). По сравнению же с концом сентября 2006 г. их объем вырос на 93,6%, т.е. на 309,3 млн. долларов (...) По статистике нашего соседа, украинские фирмы инвестировали в Польше не более 25 млн. долларов. ПНБ приводит цифру 124 млн. долларов (на конец 2006 г.), а министерство экономики — около 800 млн. долларов”. (“Жечпосполита”, 18 февр.)

• Прошедший в Киеве экономический форум “Европа — Украина” был организован польским Институтом восточных исследований. “Там собралось множество важных лиц из Польши: министров, заместителей министров, парламентариев. Так что отсутствие Дональда Туска было не так уж заметно (...) Сотрудничество — это не только политические переговоры президентов и премьер-министров. Это также контакты на разных уровнях правительственных и неправительственных структур, самоуправления, а с этим все обстоит как нельзя лучше (...) Конечно, на Украине возникают вопросы: почему польский премьер-министр откладывает свой визит в Киев (...) Но это не отражается на политической и экономической сфере. У меня складывается впечатление, что дискуссия на эту тему в Польше не учитывает реальных отношений с нашим соседом”, — сказал Зигмунт Бердыховский, основатель института и глава программного совета форума. (“Жечпосполита”, 3 марта)

- “Первые 24 ребенка из Донецка, родные жертв декабрьской катастрофы в шахте им. Засядько, уже отдыхают в Польше. На акцию солидарности с Донецком откликнулись несколько десятков учреждений (...) Они готовы принять 470 детей из Донецка. Украинская сторона подготовила список 50 детей, желающих приехать (...) Организатором и меценатом акции стал Национальный центр культуры, который по поручению правительства занимается польско–украинскими молодежными программами” (“Газета wyborча”, 22 февр.)
- “Не менее полутора миллионов украинцев, живущих недалеко от границы с Польшей, смогут беспрепятственно ездить в нашу страну. Вчера, после продолжительных переговоров, министры иностранных дел Польши и Украины подписали договор о малом приграничном движении (...) Каждый житель приграничных районов, желающий пересекать границу на основании многократной визы, получит специальную электронную карту, облегчающую регистрацию его поездки. Киев обязался также оплачивать лечение своих граждан в Польше из средств украинских страховок (...) На эти льготы будут иметь право только жители 50-километровой приграничной полосы (...) Многие украинцы из отдаленных районов страны уже сейчас меняют прописку, чтобы воспользоваться новыми правилами (...) Соглашение будет официально подписано в ходе планируемого в конце марта визита в Киев премьер–министра Дональда Туска. Через два–три месяца после ратификации малое приграничное движение должно начать действовать. Хотя ежегодно движение через границу увеличивается на одну пятую, украинцы отказываются участвовать в расходах по открытию новых переходов”. (“Дзенник”, 1–2 февр.)
- “14 января в Хайнувке прошла ежегодная встреча митрополита Саввы с духовенством, работниками органов местного самоуправления, учеными и предпринимателями. Во встрече приняли участие епископы Мирон, Гжегож и Ежи, а также белорусский посол Павел Латушка, польский сенатор Влодзимеж Цимошевич, депутат Эугениуш Чиквин, ректоры Белостокского политехнического института проф. Иоанициуш Назарко и Белостокского университета проф. Ежи Никифорович”. (“Пшеглэнд православный”, февраль)
- “Восстановлен раввинат Речи Посполитой (...) Возобновляет работу совет раввинов, который прекратил свое существование с началом гитлеровской оккупации. Раввинат — это коллегиальный орган. Он принимает самые важные решения, касающиеся еврейской общины (...) Встреча раввинов

состоялась в субботу в лодзинской синагоге на ул. Поморской — одной из двух, уцелевших во время оккупации. На торжественное открытие раввината прибыли главный раввин Израиля Йона Мецгер и главный раввин организации „Шавей Израэль” (“Израиль возвращается”) Элияху Бирнбаум (...) В иудаистских организациях состоит 4 тыс. человек, а о своем еврейском происхождении заявляют 30 тыс. жителей Польши. В стране существует семь еврейских общин (...) По окончании II Мировой войны власти ПНР не восстановили раввинатские общины — разрешено было только создание конгрегаций иудейского вероисповедования, которые не имели юридического статуса”. (“Жечпосполита”, 25 февр.)

• “Накануне 40-летия начала антисемитской кампании канцелярия президента намеревается в качестве компенсации подтвердить польское гражданство тех, кто эмигрировал в Израиль в 1968 году. Там оказалось около 3,5 тыс. поляков еврейского происхождения (...) По закону президент может предоставить гражданство, но подтвердить то, что оно никогда не было утрачено, могут только воеводы. А те настаивают, что подтверждать нечего, так как эмигрировавшие после марта 1968 г. гражданство утратили (...) Никто из чиновников не желает открыто говорить о том, что давно известно. Признание гражданства мартовских эмигрантов будет означать, что несколько десятков тысяч польских граждан, на тех же основаниях эмигрировавших из ПНР в Западную Германию, — тоже граждане Польши. Это дало бы им возможность предъявить свои права на оставленную — часто в принудительном порядке — в Польше недвижимость”. (“Газета wyborча”, 29 февр.)

• “В ходе субботнего празднования годовщины марта 1968 г. президент заявил, что будет без всяких формальностей предоставлять гражданство жертвам антисемитской кампании, принужденным эмигрировать. Это обещание он начал исполнять днем раньше. В пятницу такой документ получили из рук Леха Качинского первые 14 человек”. (“Дзенник”, 10 марта)

• Проф. Павел Спевак: “По данным директора паспортного отдела МВД, в 1968–1970 гг. из Польши эмигрировало 13 100 человек. Уезжали старые коммунисты (200 человек, получивших пенсии за особые заслуги ...) и 525 человек, занимавших высшие административные посты), студенты (1000 человек) (...) врачи (370 человек), журналисты, писатели, кинематографисты, учителя, поэты и актеры (...) Тогда, впервые после II Мировой войны, было последовательно

применено Нюрнбергское законодательство. Лиц еврейской национальности увольняли из армии, милиции, администрации (...) В МВД действовал отдел по делам евреев”. (“Впрост”, 16 марта)

- “Годовщина мартовского бунта 1968 г. вновь вызвала споры о том, что было сутью тогдашних репрессий — коммунистическое вероломство или вспышка националистического шовинизма? (...) Как мы относимся к событиям марта? Как к очередному „польскому месяцу” противостояния коммунистической власти или как к трагедии затравленной горстки демократов, окруженной пошедшим на поводу у низких инстинктов обществом?” (Пётр Семка, “Жечпосполита”, 8–9 марта)

- Проф. Дариуш Стола из Института политических исследований ПАН: “Утверждение, будто вдохновителями молодежного бунта (...) были сами члены коммунистического истеблишмента, родители студенческих активистов (...) — это абсурд (...) Родители могли пользоваться влиянием, но лишь благодаря (...) бунтарской этике довоенных коммунистов. Молодежь, вероятно, слышала о героизме родителей и их друзей, которые до войны сидели в тюрьмах и воевали в Испании, но в то же время вряд ли слышала о преследованиях, обрушившихся на интеллигентские некоммунистические семьи, — за Армию Крайову, за пилсудчину, за национал-демократию, за ПСЛ. Поэтому они не унаследовали страха перед коммунистической властью. В этом смысле среда, в которой они выросли, действительно склоняла к бунту”. (“Тыгодник повшехный”, 9 марта)

- Томек Липинский, музыкант, панк-рокер, один из основателей групп “Бригада Кризис” и “Тилт”: “Я родился через десять лет после войны, и меня, как и всё наше поколение, воспитывали в атмосфере военного пафоса — песни, хрестоматии, торжественные заседания, почетные караулы у бывшего гестаповского застенка на аллее Шуха. Мне казалось, что эта война нас как-то очистила, и вдруг оказывается, что оставшихся в Польше уцелевших в Катастрофе — журналистов, мыслителей, ученых — выгоняют с работы, что закрываются газеты, потому что они „еврейские”. Людям вдруг дают две недели на сборы и выезд из страны. Я не мог поверить собственным глазам. Так же поражает всё, что происходит в связи с книгой Гросса. Он написал правду. Конечно, было не только это. Но и это тоже было. Поляки должны это проглотить, согласиться с этим, чтобы оно не повторилось”. (“Газета wyborcza”, 8–9 марта)

- “Неизвестный преступник намалевал на могиле цадика Элимелеха Вайсблюда в Лежайске свастику, звезду Давида на виселице и антисемитские лозунги (...) Для ортодоксальных хасидов Лежайск — святое место. В каждую годовщину смерти цадика туда прибывает несколько тысяч евреев со всего мира, чтобы помолиться на могиле Вайсблюда. Когда-то он был одним из трех известнейших цадигов в Польше, прославился как целитель душ и плоти и как самый активный представитель хасидизма”. (“Дзенник”, 7 марта)

- Кристина Носек, студентка Ягеллонского университета: “Мне стыдно за приговор, который вынес недавно суд в Стшельцах—Опольских, разбиравший дело о фашистской выходке молодежи из Национал—радикального лагеря на горе св. Анны. В демократическом государстве, конституция которого запрещает нацистские и коммунистические методы и действия, независимый суд не находит преступления в том, что молодые люди вытягивают руку в гитлеровском приветствии (...) Если фашистское приветствие можно окрестить „римским”, то с тем же успехом свастику можно рассматривать как символ инкского бога солнца — и вывесить в окне”. (“Газета wyborча”, 8—9 марта)

- “У нас на глазах происходит общенациональное паломничество Ежи Роберта Новака, который как лев борется с точкой зрения, представленной в книге Яна Томаша Гросса „Страх” (...) Католические публицисты из принципа заклеили Гросса, хотя никто не поставил под сомнение описанных им убийств еврейских земляков. Епископы тоже вешают на него собак, крича, что книга будит исторических демонов и уничтожает плоды трудного католическо—еврейского примирения (...) Есть в этих событиях нечто настораживающее, что объясняет, почему антисемитизм так хорошо сохраняется себя в польской Церкви. Лекцию Новака [в келецкой семинарии] слушали и епископ [Казимеж Рычан], и ректор семинарии свящ. Владислав Сова. Оба они играют решающую роль в формировании молодых клириков. Разрешая встречу с главным идеологом радио „Мария” и даже участвуя в ней, они показывают семинаристам, будущим священникам, кого нужно слушать, какие газеты читать и что думать о евреях и мире”. (Ярослав Маковский, “Ньюсуик—Польша”, 24 февр.)

- “„Мы очень обеспокоены известием об антисемитской встрече, имевшей место в одной из церквей Кракова”, — написал в письме архиепископу Краковскому Станиславу Дзивишу председатель нью—йоркской Антидиффамационной лиги (ADL) Авраам Фоксман (...) Речь идет о лекции связанного с

радио „Мария” проф. Ежи Новака в базилике Святейшего Сердца Иисусова отцов иезуитов (...) По мнению Авраама Фоксмана, который сам родился в Польше в 1940 г. и был спасен от гибели польской няней, произнесенные в церкви антисемитские слова могут стать „поощрением к насилию над евреями””. („Жечпосполита”, 15 февр.)

• Из заявления ректора Высшей философско – педагогической школы “Игнацианум” в Кракове: “Никто из представителей нашего вуза не участвовал в состоявшемся в церкви собрании. Школа не несет ответственности за ход встречи, не проходившей в ее стенах. Более того, „Игнацианум” решительно отмежевывается от содержащих антисемитские нотки высказываний, которые прозвучали в храме (...) Мы против всех форм нетерпимости, ксенофобии, а тем более антисемитизма. Мы считаем евреев своими „старшими братьями по вере” (...) Свящ. проф. Людвик Гжебень SJ, ректор „Игнацианума””. („Газета wyborча”, 16–17 февр.)

• Свящ. проф. Вальдемар Хростовский, библиист, бывший член Международного совета государственного музея в Освенциме: “Уже полтора десятка лет в Польше, а вероятно, и в других странах, специфические еврейские взгляды проникают на нашу почву благодаря издательствам и центрам, которые считаются польскими и даже католическими. И в этом вся проблема (...) Несчастье заключается в том, что эти центры напрямую требуют или принуждают к тому, чтобы специфическая еврейская точка зрения была не только принята, но и пропагандировалась всеми нами, включая Церковь (...) Среди нас живут проблемные соседи”. („Наш дзенник”, 16–17 февр.)

• “Дискуссия о книге Яна Томаша Гросса „Страх” — это зеркало, в которое должны посмотреться все мы, даже если некоторые станут утверждать, что оно кривое. Но оно есть, и в нем многое видно”. (Веслав Владыка, “Политика”, 8 марта)

• О. Тадеуш Исакевич – Залеский: “Доверие к церковной иерархии в нашем обществе заметно падает (...) После смерти Иоанна Павла II в нашей Церкви обозначился кризис духовного руководства (...) По некоторым важным вопросам церковные власти, как говорил Лех Валенса, выступают „за, и даже против”. Особенно явно это видно на примере радио „Мария” (...) Как иронизируют сами редemptористы, в течение одного года их генерала в Риме посещают пятеро епископов из Польши, желающих отстранения отца директора [свщ. Тадеуша Рыдзыка], и пятеро — умоляющих, чтобы он этого не

делал (...) Епископы не знают, что сказать пастве об отказе священников от сана”. (“Впрост”, 17 февр.)

- Александр Квасневский, бывший президент Польши:
“Никогда раньше самое ксенофобское и националистическое крыло Церкви не имело такой силы, как отец Рыдзык и компания (...) Если нужно будет выбирать между Церковью Рыдзыков и свободой вероисповедования, то для огромного большинства молодых людей выбор будет прост (...) Польская Церковь запуталась в споре между Рыдзыком и модернистами (...) Либо она проведет необходимые внутренние реформы, либо замкнется в себе и станет проблемой для всей Католической Церкви (...) Атеизация и секуляризация польского общества будет прогрессировать (...) потому что эти люди поступают вопреки взглядам Иоанна Павла II” (“Газета wyborcza”, 26 февр.)

- “„Словарь диссидентов” — необычное издание, созданное общими силами историков из стран бывшего соцлагеря (...) Его координаторами стали Александр Даниэль из московского „Мемориала” и Збигнев Глюза из варшавского центра „Карта”. В двух томах, содержащих в общей сложности 1656 страниц, помещены 353 биографические заметки, упорядоченные по странам. Каждому государству посвящено введение, календарь и глоссарий, т.е. что-то вроде словаря, содержащего информацию об организациях, акциях и событиях (...) Хронологические рамки можно определить как времена Хрущева и Брежнева (...) В первом томе бóльшая часть биографий (58) касается Польши, за ней идет Чехословакия (27) и Венгрия (23)”. Кроме того, в словарь включены Албания, Болгария, Германия, Румыния и Югославия. Весь второй том посвящен оппозиции в СССР. Рецензию на словарь см. на стр.??? этого номера. (“Политика”, 1 марта)

- “Лех Валенса выздоравливает. Имплантация кардиостимулятора бывшему президенту удалась. Операция прошла в Техасе. Врачи утверждают, что Лех Валенса чувствует себя хорошо”. (“Жечпосполита”, 1–2 февр.)

- “Вроцлавский апелляционный суд признал бывшего заместителя коменданта люблинской милиции виновным в кровавом разгоне мирной демонстрации в августе 1982 года. Против демонстрантов было использовано оружие. Погибли три человека. Суд (...) оставил в силе приговор к трём с половиной годам лишения свободы”. (“Жечпосполита”, 15 февр.)

- “Что будут чувствовать наши политики, что будем чувствовать все мы, когда польские спортсмены [в Пекине] пройдут перед лидерами, отвечающими за смерть и страдания тысяч людей? (...) Почему мы должны соглашаться на то, чтобы польские спортсмены принимали участие в фестивале пропаганды, организованном одним из последних режимов мира? (...) Группа польских политиков подписалась под воззванием организации „World Solidarity”, требующей от властей бойкота олимпиады в Пекине”. (“Жечпосполита”, 22 февр.)

- “Кон – Бендит прав, говоря: свободы не бывает слишком много, и никогда не бывает лишней забота о ней (...) Я бы поспорила с Михником, который считает, что моя свобода кончается там, где начинается свобода другого (...) Мы не знаем, где начинается, а где кончается свобода других. Зато мы знаем, где начинается несправедливость и страдания. И это (...) единственная граница личной свободы” (Магдалена Срода, “Газета wyborча”, 12 марта)

ШЕНГЕНСКОЕ СЕМЕЙСТВО

Польша готовилась к большому торжеству: вступлению в Шенгенскую зону. Судя по сообщениям, всё уже было, как говорят поляки, “застегнуто на последнюю пуговицу”, что подтвердили дотошные проверки экспертов ЕС. Польский МИД не упустил возможность показать это и иностранным журналистам. Первоначально планировался выезд на границу с переходом на белорусскую и украинскую сторону. Однако насупившийся Минск по непонятным причинам отказался нас принять. Киев же ничего не имел против. Едем!

По пути заезжаем в Варшавский аэропорт Окентье. Посмотреть есть что: рядом с тесными залами первого терминала — почти дворцовое величие Терминала–2, который уже почти готов.

После вступления Польши в Евросоюз в 2004 г. аэропорт им. Фредерика Шопена, рассчитанный на 3,5 млн. пассажиров в год, принимает почти в три раза больше воздушных путешественников и трещит по швам. К его реконструкции и расширению подбирались давно. Но только в последние годы нашли и средства, и солидного подрядчика, чтобы “поднять стропила” ввысь. Обойдется эта “небесная новостройка” без малого в четверть миллиарда долларов. С ее окончательным завершением пропускная способность аэропорта достигнет почти 15 млн. пассажиров в год.

Границу перейти...

Границу с Россией, Украиной и Белоруссией стерегут 10 тысяч польских пограничников. Это стало особо ответственным заданием после вступления Польши в ЕС, когда восточная граница страны стала и внешним рубежом всего европейского сообщества. Понятно, что и забота о том, чтобы граница была “на замке”, стала общей. В Польше обосновалась штаб–квартира по управлению оперативным сотрудничеством на внешней границе (“Frontex”). А Евросоюз выделил свыше 300 млн. евро на приобретение вездеходов, компьютеров, прочей современной техники и оборудования. Времена, когда пограничники были оснащены только биноклями, остались далеко позади. Вот и на Бещадском участке Польской пограничной службы (239 км рубежа, охраняемого совместно с Украиной) есть чем поразить воображение даже бывалых репортеров.

Представьте: вроде бы обыкновенный компьютерный дисплей, а на нем небольшие движущиеся пятнышки, похожие на солнечных зайчиков. Однако на самом деле, как пояснила дежурная – оператор, это мигрируют серны, для которых, конечно же, нет пограничных межей. Устройства, сканирующие местность на глубину до 8 км круглые сутки и в любую погоду, называются термовизорами.

В тот день, когда мы оказались на границе, термовизор выявил четырех нарушителей. Ими оказались граждане Пакистана. Справедливости ради надо сказать, что нарушители границы и их проводники тоже нынче не лыком шиты. Они нередко оснащены маршрутизаторами GPS, с помощью спутниковой связи позволяющими весьма точно ориентироваться на местности.

За год на польско–украинской границе задерживают около 450 человек, это примерно 90% “нелегалов”. Остальным удастся ускользнуть даже от термовизоров, вездеходов, вертолетов, конных патрулей и сторожевых псов. Среди нарушителей преобладают чеченцы, ингуши, пакистанцы, китайцы и вьетнамцы. Чтобы увеличить процент раскрываемости, на Бещадскую заставу даже приглашали американских индейцев, и эти “дети природы” учили пограничников искусству распознавания следов по малейшим приметам, например по наклону травы...

Польша для большинства нарушителей границы — лишь промежуточный пункт на пути в Германию и другие европейские страны, где уровень жизни высок. Всех ли “нелегалов” осуждать за это? Не знаю. Вот судьбы. Судите сами.

“Где мой дом?”

При Бещадском погранучастке есть и охраняемый Центр временного пребывания нарушителей границы. Во время нашего осмотра в середине декабря в нем пребывало 60 задержанных. Не скажу, чтобы это походило на свирепую российскую камеру предварительного заключения. Отношение вполне человеческое. Имеется медпункт, библиотека, комнаты с телевизором и тренажером. А желающих даже обучают азам польского языка. Но неволя есть неволя. И неизвестность: что будет дальше? Задержать их могут на срок до 30 дней. Дальше — депортация. А кому посчастливится — статус беженца, политическое убежище.

Таких совсем немного. Доказать, что ты преследуем властями по политическим мотивам, нелегко. Раньше везло чеченцам, у

которых федеральные войска наводили “конституционный порядок” посредством артиллерии и бомб. Однако теперь порядок как бы наведен, и шансы получить на чужбине права беженца у уроженцев Чечни сильно поубавились...

Амина, 27 лет. Почти вся сознательная жизнь прошла под аккомпанемент российских бомбежек. Разрушены дома — родительский, потом ее, где она жила с мужем и детьми. Мыкались по чужим людям, снимали жилье. Денег на это не хватало, рабочих мест в “восстанавливаемой республике” мало. Вот и решили “пробиваться на Запад”. Украинско–польский кордон удалось благополучно миновать. А на польско–германской границе их задержали. Мужа Амины немцы держат у себя, никаких вестей от него она уже второй месяц не получает. Ее же с тремя детьми, младшему несколько месяцев, отправили туда, откуда пришла. То есть в Польшу.

И перед польскими властями встала классическая дилемма “казнить нельзя помиловать”: депортировать или все же предоставить статус беженца. От того, где будет поставлена запятая, зависит судьба человека...

Смотрю на эту молодую женщину, на ее не по годам серьезных и тихих мал–мала–меньше — и ком в горле. “Хочу, чтобы дети жили по–человечески, чтобы у них был дом!” Неужели это и в XXI веке не для всех?..

А несколько месяцев назад произошла трагедия, всколыхнувшая всю Польшу. Тоже чеченка пробиралась с детьми в Австрию через Карпаты. Проводник довел их до украинско–польской границы, махнул рукой: “Это там”. И скрылся. (Таких подонков называют “канальщиками”, по–русски тоже звучит адекватно — каналы).

Дело было в начале сентября, но в польских горах уже выпал снег. “Перебежчица”, очевидно, ориентировалась на южную погоду, при которой вполне еще можно было загорать. Поэтому и она, и три ее дочери от 6 до 13 лет, и совсем маленький сын одеты были очень легко, по–летнему.

Разумеется, она сразу же заблудилась и дальше уже шла с детьми наобум. Пока не выбились из сил, особенно дети, которые больше идти не могли. Тогда она уложила их под деревом, прикрыв от мокрого снега и пронизывающего ветра ветками папоротника. А сама вместе с самым младшим побрела дальше. Через несколько часов ее обнаружили пограничники: совсем обессиленную, прижимавшую к груди

двухлетнего сына. Остатки материнского тепла и спасли маленького чеченца. А дочери замерзли. Насмерть...

Обезумевшую от горя 36-летнюю Касиму Джабраилову (при ней был российский паспорт) тут же доставили в приграничную больницу в Устшиках–Дольных. Весть об этой беде облетела всю Польшу. Касиму посетила супруга президента Мария Качинская. Утешала, обещала помочь в получении статуса беженца.

Управление по делам иностранцев назначило Касиме ежемесячное пособие, обещают выделить жилье, найти работу. Многие поляки прислали ей свои дары... Молчала и продолжает молчать только “российская сторона”. И власти, и СМИ. Короткие заметки о случившемся с гражданкой России поместили “Интерфакс”, “Независимая газета”, “Коммерсант”... Вот, пожалуй, и все.

Видимо, и в данном случае срабатывает привычка к “большим числам” человеческих жертв. В своей недавно вышедшей в Варшаве книге “Головой об стену Кремля” Кристина Курчаб–Редлих, польская журналистка, долгое время работавшая в России и не раз выезжавшая в Чечню (см. нашу рецензию на ее книгу в предыдущем номере “Новой Польши”), приводит убийственную статистику: за годы “военного умиротворения” в небольшой республике погибло около 200 тысяч чеченцев, в основном мирных жителей...

Вот и думаю: что принесет чеченцам Шенген? Ничего. Кроме дополнительных сложностей (и визы дороже, и граница “на замке”). По данным Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев, за последние месяцы жителями Чечни было подано 3,5 тыс. заявлений о предоставлении убежища в Польше. А согласно сводным сведениям генконсульств европейских государств, сегодня в Европе живет уже около 150 тыс. выходцев из Чечни.

Независимые эксперты считают, что на самом деле “вынужденных эмигрантов” из Чечни в европейских странах значительно больше. Недавно, например, “невозвращенцами” стали члены чеченского фольклорного ансамбля “Жовхар”, приехавшие в Финляндию на гастроли. Испытывая нечеловеческие лишения, порой рискуя даже жизнью, как Касима, жители Чечни добираются до Австрии, Бельгии, Франции... Что же это за “конституционный порядок”, от которого бегут, как от огня?..

Ну а мы пересекли границу между Польшей и Украиной в районе погранпункта Корчова (как же все условно в этом мире!) за пять минут. И даже штамп в наши загранпаспорта не проставили. Первый заместитель начальника штаба регионального управления пограничной службы Украины полковник Игорь Андрусик заверил, что “украинские пограничники к Шенгену полностью готовы!”. Чуть раньше о том же самом говорил сопровождавший нас заместитель коменданта Бещадского участка Польской погранслужбы полковник Вальдемар Скарбек.

“Ода к радости”

И вот наступило торжество. Польское радио всю ночь с 21 на 22 декабря транслировало репортажи со всех уходящих в небытие (кроме, конечно, восточных) соседних границ: немецкой, чешской, словацкой и литовской. Всюду звучала вдохновенная “Ода к радости” Бетховена — гимн ЕС. Всюду пилили на куски пограничные шлагбаумы (на память!) и стояли в длинных очередях, чтобы проставить в паспортах последний пограничный штамп — “каинову печать” все еще разделенной межами Европы. Для 24 стран это, к счастью, уже позади.

И потому на радио — сотни восторженных звонков и СМС. Вспоминали и абсурд минувшей поры. Вице-маршал Сейма Стефан Несёловский, в 70-е годы предложивший упразднить музей Ленина в Поронине (в СССР его бы точно заточили за это в психушку), позднее вступивший в нелегальный профсоюз, теперь с юмором вспоминает о том, как власти ПНР 20 раз (!) отказывали ему во временном выезде из страны. Другой слушатель вспомнил, как пограничник во время паспортного контроля в поезде велел ему немедленно сбрить усы, потому что на фотографии в загранпаспорте он был без оных. Как на границе с Советским Союзом таможенники разобрали “на атомы” автомобиль, а собирать его заставили самих досматриваемых поляков, которые это делать не умели...

Помянули и “жертв Хонеккера” — перебежчиков из ГДР в ФРГ, застреленных восточноберлинскими пограничниками. И как все радовались, когда разрушили Берлинскую стену, когда рухнул “железный занавес”...

Когда-то Ленин, основав Коминтерн с центром в Москве, намеревался распространить коммунистическую идеологию и влияние СССР на весь земной шар. Частично это удалось его последователям: Варшавский договор, СЭВ... Ненадолго: слишком непрочным оказался фундамент, замешанный на насилии и лжи.

А вот идеи Столыпина, которому история отпустила, к сожалению, слишком короткий жизненный срок, похоже, реализуются: выдающийся реформатор предвидел неизбежность глобализации международных отношений и интеграции мирового рынка. Фактически эти идеи нашли отражение в Лиге наций, образованной после I Мировой войны и в Организации Объединенных Наций, созданной на исходе II Мировой. Потом был “общий рынок”. А теперь вот и глобальная интеграция Европы.

С объединением в рамках Шенгенского договора 400 миллионов европейцев могут без всяких виз путешествовать, учиться, работать, отдыхать “от Балтики до Атлантики”, от Таллина до Лиссабона. В будущем году, кроме Кипра, к “Шенгенскому братству” примкнут государства в “сердце Европы” — Швейцария и Лихтенштейн. Для Швейцарии, 200 лет придерживающейся тактики нейтралитета и автономии, это, несомненно, будет грандиозным событием. В 2011 г. надеются вступить в Шенген и страны–новички ЕС: Болгария и Румыния...

Понятно, что не все так радужно, как хотелось бы. Австрия, например, согласилась на открытие границ по Шенгенскому договору с большим скрипом, опасаясь “экспорта преступности” из соседних Чехии и Словакии. Рынки труда в Германии, Франции, Австрии, Бельгии и Дании для “младоевропейцев” пока что малодоступны. И так будет до 2011 года...

Но все это уже не так докучливо, как раньше. Скорее, инерция предубеждений, не более того. Ведь привечают же Англия, Ирландия и некоторые другие европейские страны приезжающих на заработки “друзей по ЕС”, среди которых преобладают поляки. И оказалось, что “польский сантехник” (обобщенное название поляков, умеющих что–то делать своими руками) вовсе не страшен. Тем более, что кроме сантехников в трудовой миграции активно участвуют и “белые воротнички”.

Выгода от этого обоюдная: в западных странах заполняются рабочие места, на которые нет претендентов среди аборигенов. А в менее зажиточные и потому “миграционные” государства поступают немалые денежные средства. Выехавшие “за хлебом” два миллиона поляков высылают оставшимся на родине семьям и переводят на польские банковские счета почти 5 млрд. долларов в год! И многие из них вернутся в свою страну, обогащенные жизненным опытом, познанием мира.

Граждане мира

В последние годы Польша в значительной степени развивается на “подъемные” ЕС. Это особенно заметно, когда путешествуешь по стране и беседуешь с людьми. На средства из фондов Евросоюза строит оперный театр Краков. Небольшой городок Томашув–Любельский приобрел машины “скорой помощи” и томограф для больницы. “Долгострой”, доставшиеся новой Польше в наследство от социалистических времен, обретают жизнь.

В Гдыне, например, это так называемая “трасса Квятковского”, имеющая уже 30-летнюю предысторию. С переходом страны на рыночные отношения ее пытались реанимировать, но не хватило средств. И только совместное финансирование Евросоюза и городской администрации на сумму 125 млн. злотых дало реальный шанс на завершение строительства. В результате Гдынский порт будет надежно подключен к сети национальных и международных автомагистралей.

Еще одна гордость небольшого приморского города — Технопарк, осваивающий новейшие достижения в области биотехнологии, компьютерной техники. Молодые сотрудники этого инновационного центра недавно создали программу, позволяющую незрячим людям работать с компьютером, воспринимая его на слух. Средства на этот научный инкубатор тоже выделил Евросоюз.

Наукоемкие технологии вообще становятся в Польше приоритетом. Не случайно эту страну облюбовал компьютерный гигант “Dell”. Недавно второе по величине предприятие в Европе, чей годовой доход составляет 60 млрд. долларов, открыло в Лодзи свой филиал. Таким образом, как подчеркнул в беседе со мной вице–мэр Лодзи Влодзимеж Томашевский, бывший сельскохозяйственный (XV век), затем текстильный (XIX век) центр ныне становится центром “высоких технологий”, без чего нормально развиваться в постиндустриальную эру попросту невозможно.

В 80-е годы, будучи председателем “Солидарности”, а в начале 90-х — президентом Речи Посполитой, Лех Валенса ратовал за то, чтобы Польша стала “Японией Европы”. В то время это было нереально. А теперь — отчего же: страна уверенно догоняет наиболее развитые страны континента и мира.

Согласно расчетам варшавского Института общественных проблем, в ближайшие семь лет Польша получит из фондов ЕС 17 млрд. евро. Их “абсорбция” позволит стране встать почти

уровень с более продвинутыми членами европейского сообщества. По прогнозам того же института, в Мазовецком воеводстве доля валового внутреннего продукта на каждого жителя составит в 2013 г. более 90% от среднего ВВП в Евросоюзе. Ожидается, что несколько позднее к этому уровню подтянутся и другие польские регионы, в том числе и отстающие.

Этому, несомненно, будет способствовать и “феномен Шенгена”, безвизового посещения стран. Согласно проведенному в прошлом году опросу, около 40% бизнесменов из ведущих европейских государств почти ничего не знают об инвестиционном климате в Польше. Теперь же никаких преград для обмена опытом на самых различных уровнях, включая региональный, нет.

В переводе с дипломатического

А что Россия? Пребывание Варшавы на Шенгенских просторах непосредственно коснется и Калининградской области, граничащей с Польшей. На пресс-конференции для иностранных журналистов я спросил об этом директора департамента информационной системы польского МИДа Петра Пашковского. Накануне министр иностранных дел Радослав Сикорский встречался в Брюсселе со своим российским коллегой Сергеем Лавровым и предложил Москве проработать и заключить двусторонний договор о приграничном движении граждан. Меня, естественно, интересовала реакция на это предложение главы внешнеполитического ведомства России. Представитель польского МИДа ответил, что Лавров к предложению Варшавы “проявил интерес”. В переводе с дипломатического это, вероятно, должно означать “поживем — увидим”.

И в самом деле, у Москвы есть резоны для осторожности. После того как наспигованный военной техникой российский анклав в 1991 г. стал открытым для “обмена людьми”, его жители все чаще посматривают в сторону Запада. Наблюдатели отмечают, что на янтарном берегу уже выросло поколение, никогда не бывавшее на “материке”, в центральной России. Зато не единожды ездившее в Польшу, Германию, в прибалтийские страны.

Конечно, при этом сравнивается прежде всего жизненный уровень: зарплата, цены, качество услуг. И сравнение это не в пользу российских реалий. В Польше, например, средний заработок на 1 января сего года — около 3300 злотых, то есть приблизительно (доллар постоянно падает, а национальная

валюта, напротив, растет) 1380 долларов. В России и особенно в экономически не шибко развитом Калининградском анклавe зарплата меньше в несколько раз, фактически при тех же самых ценах на продукты питания и промтовары. Удивительно ли поэтому, что Калининград смотрит скорее на Запад, чем на Восток, а среди его жителей распространяются, как отмечают обозреватели, “сепаратистские настроения”. В самой наивной и мечтательной форме их выражают так: “Вот бы отделиться от России, да присоединиться к ЕС!”

Вот такая, думаю, разгадка довольно прохладной реакции Москвы на предложение Варшавы о “малом приграничном движении”, предполагающем визовые льготы и преференции для калининградцев. А Кремлю это нужно? Вопрос пока без ответа.

Снова “железный занавес”?

Вообще, наблюдая реакцию в российских СМИ на присоединение новых членов ЕС к “Шенгенскому семейству”, нельзя не заметить некоторую растерянность, раздражение и даже уныние: “Соседи отделяются от нас железным занавесом!”

Приводятся аргументы: даже национальные визы, скажем, в Чехию или Польшу получить нелегко, нужно доказать свою финансовую состоятельность, предъявить заранее оплаченную гостиницу, медицинскую страховку, обратный билет. С шенгенскими визами хлопот еще больше; например, вводится биометрический контроль. Да и сама виза не очень дешева — 65 долларов, вдвое дороже национальных... Российским турагентам в последнее время приходится расширять свои штаты (так, “Туртрансвояж” утверждает, что в три раза) за счет сотрудников, работающих с визами. Некоторые из турфирм приглашают на работу графологов!

Действительно, визовые барьеры существуют. Действительно, “европейская бюрократия”, представленная консульствами, не дремлет. Потому что испытывает настороженность по отношению к некоторым странам, в том числе и к России.

Вопрос о том, “будет ли нынешнее поколение российских граждан жить в безвизовом пространстве”, свободно путешествуя и познавая мир, как это теперь с удовольствием делают, например, ближайшие соседи России, — остается открытым.

Ни для кого не секрет, что в длинном списке тех, с кем “раздружился” Кремль, значится и Польша. И потому, конечно же, обнадеживает некоторое “потепление” отношений между нашими странами в последнее время. Однако отмена запрета на польское мясо, предполагаемая реанимация совместной Комиссии по решению спорных проблем и ряд других давно перезревших мер — это только первые ласточки, которые еще не делают весны. Скептики считают, что у современной авторитарной России — и Польши, которая прошла уже значительную дистанцию по демократическому пути, разные и потому слабо совместимые “группы крови”.

Впрочем, видный американский политолог Ричард Пайпс, полвека старательно изучавший Советский Союз, а теперь перестраиваемую страну, и пришедший к пессимистическому выводу, что современная Россия “никогда не встанет на демократический путь”, на недавней пресс-конференции в Варшаве скорректировал свою позицию: “В перспективе России, возможно, удастся совершить этот жизненно важный шаг”. Видимо, все же исходит из мрачноватой российской ауры некая жизнетворная эманация, слегка уже ощутимая для политических гуру...

ВСЯ ВЛАСТЬ СОВЕТАМ

Если удастся осуществить реформу администрации и самоуправления, в учреждениях на нас перестанут смотреть как на просителей

Тыходишь в здание, где размещается администрация гмины, желая получить (к примеру) согласие на строительство дома. Подаешь чиновнику архитектурный проект. Тот всего лишь информирует тебя, что ты должен за 30 дней оповестить потенциальных соседей о намерении начать строительные работы. Если на протяжении месяца ты не получишь из гмины никакого письма, то можешь приступать к строительству. Так должен выглядеть большой финал “большого дела” — как определяет премьер-министр Дональд Туск проект завершения начатой в 1989 г. реформы администрации всего государства. Сегодня процедура получения разрешения на строительство длится много месяцев, даже больше года, а ведь это только один из десятков вопросов, которые тебе надо решать в разных учреждениях. Благодаря первой реформе, формальные основы которой правительство Туска уже одобрило, чиновничьи мучения граждан должны окончиться. “Идеальное учреждение функционирует, как интернетный счет в банке, — описывает Томаш Семоняк, заместитель министра внутренних дел и администрации, который отвечает в правительстве Туска за осуществление этой реформы. — Большинство вопросов условный гражданин Ковальский должен решать через интернет, а к чиновнику приходиться только по особенно сложным проблемам. Реформа администрации — это, правда, громадный объем работ, но мы верим, что государством будут лучше управлять граждане, нежели государственные служащие”.

Семоняк разослал в органы самоуправления официальное письмо с просьбой направлять ему идеи и рекомендации по внесению изменений в польское законодательство и за последний месяц получил шесть тысяч предложений. Их внедрение должно устранить из нормативных актов те бессмысленные положения, которые делают невозможной четкую деятельность учреждений.

Под снегом — хаос

Однако упорядочивание законодательства — это всего лишь часть большой реформы органов администрации и местного самоуправления. Изменениям должны быть также подвергнуты принципы вознаграждения и приема на работу всех сотрудников самоуправления, а также вопросы государственного устройства. “В крайнем случае это может означать обновление сотни или даже полутора ста законов”, — говорит Томаш Семоняк. “В этой реформе речь идет о чем-то гораздо большем, нежели только об эффективной деятельности учреждений, — объясняет профессор Михал Кулеша, советник правительства по вопросам этой реформы. — В психологических категориях цель состоит в том, чтобы гражданин мог сказать, что доволен своим городом, а в личных категориях — чтобы его интересовало, куда идут его деньги. Нужно в конечном итоге упорядочить положение, когда устройство государства основано на местном самоуправлении, а управление им остается централизованным”.

Первый этап революции должен состоять в упорядочении и пополнении существующих нормативных документов. В апреле предложения по корректировке конкретных пунктов и статей и по включению новых должны поступить на межведомственные согласования, а в середине года большинство обновлений законодательных актов уже должно попасть в парламент. Преодолеть беспорядок требуют сами сотрудники органов самоуправления. “Граждане жалуются на бюрократию, а мы отвечаем им, что избавиться от бюрократизма не удастся до тех пор, пока забюрократизированы инструктивные и нормативные документы”, — говорит Станислав Бодыс, бургомистр Реёвца-Фабричного в Люблинском воеводстве, член правительственно-самоуправлеческой комиссии.

Работники органов самоуправления больше всего заинтересованы в отчетливом разделении компетенций между отдельными ведомствами и учреждениями. “Сегодня каждая территориальная единица местного самоуправления управляет дорогами в рамках своей подведомственности, — приводит бургомистр Станислав Бодыс первый подвернувшийся пример. — В результате, когда принадлежащий повету снегоочиститель отправляется чистить дороги, за которые отвечает повет, то, проезжая по дорогам, относящимся к ответственности гмин, их он от снега не очищает. Через два часа по поветовой дороге без всякой пользы проезжает гминный снегоочиститель, а в заключение тот же самый путь проделывает — и тоже бесполезно — воеводский снегоочиститель”.

Электронная платформа — или скорее потолок

Другой пример приводит Мариуш Познанский, войт гмины Червонак под Познанью: “Староста повета не хочет утверждать в нашей гмине план ее обустройства, так как там не предусмотрено расширение дороги. Но за ее расширение отвечает староста. Однако тот утверждает, что денег на расширение у него нет. В результате без плана обустройства я не могу выдать ни единого согласия на инвестиции и строительные работы”.

Срочным делом считают работники самоуправления и упорядочение вопроса о трудоустройстве чиновников. Чтобы сегодня занимать в органах самоуправления руководящую должность, нужно иметь двухлетний стаж работы в государственной или местной администрации. Поэтому войт, получив предложение от преподавателя экономики, который никогда не состоял на службе, но хотел бы занять пост казначея, должен сначала принять этого преподавателя на рядовую должность, даже если он профессор. Сотрудники органов самоуправления хотели бы также четких и ясных положений в области принятия ими имущества от бывших государственных предприятий. “В Реёвце мы купили у Государственных железных дорог вокзал, но получить в свое распоряжение станционные здания, примыкающие к вокзалу, уже не смогли, потому что это запрещено действующими правилами. А ведь неиспользуемые зданиягодились бы в качестве помещений для различных социальных нужд”, — с сожалением говорит бургомистр Станислав Бодыс.

Упорядочение нормативных положений должно завершиться внедрением в учреждениях системы, носящей громкое название электронной Платформы услуг публичной администрации (ePUAP). Это большая информационная система, благодаря которой каждое учреждение в Польше окажется подключенным к необходимым базам данных. Большинство документов можно будет с помощью электронного почтового ящика входящих–исходящих пересылать через интернет. Однако, чтобы это случилось, правительство должно найти решение загадки, по сей день остающейся неразгаданной: каким образом убедить поляков пользоваться электронной подписью? Пока оно только возвещает, что необходимо создать альтернативную систему электронной идентификации.

Вторым этапом реформы должно явиться ограничение прав государственной администрации. “Нужно наконец—то покончить с тем, что в городе стоит одно здание воеводы, а

второе — маршала, то есть председателя местного сеймика, причем в каждом работает по несколько сот человек, — утверждает замминистра Семоняк. — Администрации воеводы следует укладываться в несколько комнат, а гражданин должен знать, что в городе имеется одно учреждение, где гражданин решит все вопросы, которые для него важны”.

Воеводам надлежит, по мнению экспертов, только осуществлять правовой надзор за органами местного самоуправления и представлять правительство в своем воеводстве. Сегодня же они и действуют, и сами осуществляют надзор за собой.

Деполитизацию учреждений необходимо также связать с ограничением прав институтов и учреждений, подчиняющихся правительству, равно как и с ликвидацией части из них. Правительство пока открыто говорит об ограничении полномочий отделов народного образования (быть может, даже об их ликвидации), а также о слиянии небольших ведомств и учреждений, например, инспекции по охоте и звероводству с рыболовной инспекцией. Окончательные решения должны быть приняты после тщательного рассмотрения и анализа полномочий всех учреждений, но всю эту операцию планируется начать еще в этом году.

Внимать голосу меньшинства

Третий этап реформы должен привести к активизации граждан в местных сообществах. Правительство хочет, чтобы гражданин наконец располагал действительным влиянием на выбор властей местного самоуправления. Для этого понадобится изменить положение о выборах. Как объявил Дональд Туск, выборы на всех уровнях самоуправления должны проводиться в одномандатных округах. По мнению политиков его партии “Гражданская платформа”, такой порядок приведет к тому, что станет легче требовать от политических деятелей отчета о выполнении предвыборных обещаний. Тот, кто не сможет подтвердить их выполнение, потеряет шансы на переизбрание: его не спасет даже хороший результат собственной партии. Сегодня по одномандатным округам голосуют только в местностях с населением менее 20 тысяч жителей. Изменению существующего порядка проведения выборов противится партия “Право и справедливость” (ПиС). Помимо аргументов, к которым прибегает Ярослав Качинский, скорее эффективных, чем сделанных по существу (“одномандатные округа дают преимущество тем, у кого есть деньги и средства информации”), высказываются и более

меткие замечания. “В выборах, организованных по принципу большинства, игнорируется голос меньшинства, а это может привести к тому, что отдельные местные деятели, например, представляющие интересы этнических меньшинств, не войдут в состав властей”, — говорит Аркадиуш Мулярчик из Пис. И поясняет, что в его регионе трудно будет попасть в поветовый совет украинцам — лемкам.

Разногласия и споры вызывают также предлагаемые премьером прямые выборы старост. “Староста не принимает решений о развитии своего региона и не распоряжается его имуществом, а только управляет школами, больницами и занимается выдачей разнообразных разрешений. А потому его мандат не должен быть результатом прямых выборов”, — убеждает Мариуш Познанский, глава Союза сельских гмин. Другого мнения придерживается профессор Михал Кулеша: “В данный момент староста должен добиваться большинства в совете повета, так как его выбирает именно этот орган. Если бы, однако, в нем оказались — как это предлагается ныне — войты и бургомистры в качестве представителей своих гмин, то староста должен обладать мандатом от общества. Тогда во властях повета мы располагали бы хорошей сбалансированностью и равновесием”. Для решения вопроса о порядке организации и проведения выборов у правительства теоретически еще есть время: ближайшие выборы в органы местного самоуправления запланированы только на 2010 год. Проблема состоит лишь в том, что если правящая коалиция станет мешкать с решением и оттягивать его, то Пис наверняка упрекнет их в конъюнктурности. Для партии братьев Качинских одномандатные округа могут оказаться убийственными. На последних местных выборах Пис проиграла как в гминах, так и в воеводских сеймиках.

Деньгам — дорога вниз

Однако самой трудной задачей для правительства окажется не введение нового положения о выборах (для этого хватит голосов правящей коалиции), а финансовые проблемы, по поводу которых оно пока не хочет высказываться. Тем временем требования органов местного самоуправления носят революционный характер. До сих пор в гмины попадали деньги от налогов с физических лиц (PIT) и с предприятий (CIT). Из PIT в органы местного самоуправления шло 48% наших налогов, а из CIT — 22%.

“Такой способ финансирования невыгоден для малых гмин, которые располагают малым количеством предприятий и профессионально активных лиц. Они получают меньше всего

пользы от нынешней хорошей экономической конъюнктуры”, — объясняет Станислав Бодыс. До сих пор остается нерешенной и проблема финансирования образования. А потому работники органов самоуправления хотят черпать выгоду от акцизных сборов и НДС. А также подчеркивают, что вместе с расширением обязанностей органов самоуправления необходимо изыскивать для них дополнительные средства.

В этом году местному самоуправлению тяжело будет рассчитывать на рост доходов. Из-за введения — тоже голосами партий ГП и ПСЛ — семейной льготы в размере 1145 злотых на каждого ребенка поступления от индивидуального подоходного налога окажутся ниже на 3,3 млрд. злотых. Доходы в бюджетах многих гмин сократятся почти на 10%. Означает ли это, что правительство намерено возлагать на местное самоуправление дополнительные обязанности, в то же время не меняя систему их финансирования?

Чтобы от громогласных обещаний не остались одни только обещания, нужно точно так же, как и в случае большой реформы администрации, запустить на всех парах работу над большой реформой общественных финансов.

МЕНЯ ИНТЕРЕСУЕТ КОНКРЕТНЫЙ ЧЕЛОВЕК

— Как началось ваше научное “приключение” с дневниками и воспоминаниями, особенно с теми, которые основаны на опыте пограничных ситуаций?

— Часто бывает так, что научно-исследовательские критерии вытекают из обстоятельств, которые потом трудно определить. Прежде всего я стараюсь не замыкаться в одной узкой области — скорее кружу около нее. Верно, что дневники и воспоминания составляют принципиальную точку отсчета в моей повседневной научной работе. Работе, сосредоточенной на опыте пограничных ситуаций — смерти, боли, страха, крушения общественных норм. Это составляет ось моих исследований. Я стараюсь приблизиться к этому опыту, понять его смысл. Я не философствую на эти темы — предпочитаю идти от конкретного свидетельства и от автора, который старался этот опыт записать. А ближе всего, на мой взгляд, передает этот пограничный опыт именно форма автобиографических записей — как правило, времен войны: дневники, записки, личные рассказы.

— В ваших работах, в частности в книге “Текст перед лицом Катастрофы”, затрагивается вопрос невыразимости опыта и невозможности записать его — как на уровне авторов дневников, так и читателя-ученого. На какие барьеры вы чаще всего наталкивались?

— Вопрос невыразимости — центральный мотив мышления об опыте Катастрофы. Однако я осторожен — даже осторожней, чем десять лет назад, когда писал эту книгу, хотя подчеркивал в ней, что в большой части рассматриваемых мною текстов тема невыразимости — это определенная риторическая условность. Часто пишут о том, что есть опыт, который нельзя выразить словами, но на самом-то деле такие формулировки — это сильно истертый, появившийся еще в древние времена риторический прием. Я бы выделил риторику невыразимости, которая относится не только к Катастрофе, но и к другим великим темам литературы, таким как любовь, ревность, ненависть, страдание. Это универсальная ситуация недостаточности языка, слов и других выразительных средств перед лицом переживаемого опыта. Мы осуждены на такую недостаточность. Нет возможности точно уловить и охватить

мир через язык. Не забудем, что дело обстоит не так, будто бы Катастрофа как пограничный опыт была невыразима и якобы только это и есть крайность. С другой стороны, о чем я уже упомянул, вопрос невыразимости — главная тема в дискурсе о Катастрофе. Нельзя себе представить историсофский, литературный, социологический, антропологический дискурс о ней, в котором бы не возникала эта тема. О Катастрофе невозможно говорить иначе, нежели через призму невыразимости. А что на самом деле значат слова о том, что она невыразима? Потому что если это что-то такое новое с точки зрения человеческого познания, абсолютно не поддающееся существующим методам мышления, если это что-то такое радикально чуждое, что мы не в состоянии найти язык, чтобы это выразить, — тогда последствием будет отказ от попыток приблизиться к этому опыту. Несмотря на все трудности и барьеры, возникающие в мышлении о Катастрофе, мы должны и обязаны о ней мыслить. А мышления нет без языка. Выходит, так или иначе невыразимость должна быть преодолена. Если мы на ней застрянем, то одновременно закроемся от познания Катастрофы и будем осуждены созерцать “тайну”, “вакуум”, “апорию смысла”.

Однако я считаю, что такой радикальный путь опасен, ибо опыт Катастрофы, т.е. конкретное событие, происходившее в конкретное время в конкретном месте, неустанно бросает нам вызов — нам, нашему интеллекту, нашей нравственной чувствительности, нашему духу и отваге. Мы не можем взять и просто закрыть дверь и уйти, а радикальная концепция невыразимости в моих глазах означает именно это. И в этом смысле она неприемлема.

Абсолютизировать Катастрофу, вырывать ее из контекста и придавать ей новые, мистические значения — значит ставить препятствия мышлению. А так происходит, как можно видеть на примере многих работ по литературе, и не только по литературе. Мистический язык совершенно непроверяем, и каждый может говорить всё, что хочет. Я, разумеется, имею в виду псевдомистику. Часто это замена нелегких размышлений модным научным жаргоном. Моду на тот или иной жаргон обычно поставляет доведенный до тривиальности и упрощенный постмодернизм. О Катастрофе мы должны мыслить не затем, чтоб покрасоваться своей философской эрудицией, а затем, чтобы добираться и добираться до того, что произошло. Конечно, мы заведомо никогда не будем в состоянии описать и исчерпать тему до конца, но надо продолжать попытки. Ибо, несмотря ни на что, Катастрофа —

дело рук человеческих, а не Божиих, как написал Станислав Обирек^[1].

— Можете ли вы назвать тексты авторов, описывающих действительность Катастрофы, которые вы считаете своеобразным введением к более глубокому познанию пограничного опыта?

— Если ограничиться литературой как одним из носителей этого крайнего опыта, то я не задумываясь сказал бы о писателях, которые кажутся мне людьми, особенно близкими к этому идеалу. Начну хронологически. Я очень хотел бы рекомендовать чтение Станислава Выгодского^[2] — забытого писателя и поэта. Вместе с женой и дочерью он был вывезен в Освенцим из гетто в Бендзине. Он единственный из них троих выжил и оставил потрясающее свидетельство. В частности, очень традиционные стихотворения из сборника “Записки о любви”. Стихи Выгодского проникновенно передают боль Катастрофы. Это рассказ страдающего отца после потери ребенка, вписывающийся в мощную традицию польской литературы. Ценность стихов Выгодского состоит как раз в том, что они идут по пути, протоптанному великими польскими поэтами. В этой поэтической традиции он нашел язык, описывающий новый, беспрецедентный опыт. И сумел выразить чудовищный опыт утраты и связанного с ней ужаса. Это резко противоречит академическому тезису о невыразимости. Для Выгодского форма не составляет никакой трудности. Рассказы его характерны лапидарной формой, замечательно вмещающей реалии Катастрофы. Каждый из них обладает силой притчи.

Нельзя забыть о Богдане Войдовском^[3] и его романе “Хлеб, брошенный умершим”. Несомненной рекомендации заслуживает весь творческий путь Генрика Гринберга^[4]. Многожанровость и полисемия, очерченные с точки зрения ребенка. В этом пантеоне окажутся и рассказы Адольфа Рудницкого^[5] — это тоже классика жанра.

Если же говорить о трудах по литературе Катастрофы, то существует книга Александры Умбертовской^[6] “Свидетельство, травма, голос. Литература, представляющая Катастрофу”. Книга трудная, но необычайно богатая, ценная и бросающая новый свет на запутанную тематику современного, постмодернистского дискурса о Катастрофе, затрагивающая вопросы невыразимости, травматизма, молчания и вакуума. Автор проводит свой анализ с огромной культурой и

эрудицией, и не для того, чтобы показать, как много она знает, а чтобы раскрыть крайне усложненные закоулки этого знания.

В прошлом году вышла монография Славомира Бурлы^[7] о Генрике Гринберге. Почему я считаю эту книгу очень важной? Не потому, что в ней идет речь о творчестве одного из виднейших писателей Катастрофы, одного из самых верных ее тематике, — издана же недавно еще одна монография о нем, Дороты Кравчинской^[8]. Книга Бурлы — другая. Бурла рассматривает творчество Гринберга в очень разных контекстах — культурных, философских, исторических, — и можно сказать, что он собирает в своей работе основные мотивы литературы Катастрофы в целом. Гринберг, разумеется, остается главным героем, осью, но, идя от него, автор показывает все мотивы, связанные с современным трагизмом, что помогает истолковать это творчество.

— В конце 2007 г. в издательстве “Знак” вышла книга Гуннара С. Паульссона “Потаенный город. Евреи на „арийской стороне” Варшавы. (1940–1945)”. Вместе с Барбарой Энглинг-Бони вы были редактором этой публикации.

— Книга вышла в издательстве Йельского университета в 2002 г. и целиком посвящена тому, как скрывались евреи на „арийской стороне” Варшавы. Она была отмечена на западном книжном рынке как первый исчерпывающий труд на эту тему. Оригинальность ее состоит в том, что Паульссон — статистик, а не только историк. Однако лично я в связи с этой книгой натолкнулся на вопрос о методах применения статистики в историческом анализе. Данные, которыми оперирует автор, экстраполированы — выведены из материалов автобиографического характера. Литература личного документа представляет для него основной источник, и то, что он делает дальше: сравнение, подсчет процентов, — вытекает скорее из математических расчетов, чем из достоверных исторических данных. Автор слишком часто рассматривает свои гипотезы как выверенные тезисы.

Самая большая ценность этой книги в моих глазах — отвага автора, который поставил себе такую трудную задачу, решившись описать потаенный город Варшаву, то есть всю сложную систему взаимосвязей, контактов, отношений и союзов самых разных людей, которые так или иначе занимались спасением евреев. Его отвага дошла до того, что он решил высчитать, сколько было скрывавшихся евреев и сколько могло быть тех, кто оказывал им помощь и скрывал их. Паульссон — самый большой оптимист из всех, кто изучал этот

вопрос. По его подсчетам, в Варшаве в целом скрывалось около 28 тыс. евреев, а активно помогали им 90–100 тыс. поляков.

Однако в книге, как я уже сказал, слишком много гипотез, рассматриваемых как истины. Приведу один конкретный пример (как редактор я безуспешно пытался обратить на это внимание автора). Паульссон утверждает, что более 40% спасшихся в Варшаве евреев были не из Варшавы. “Как это возможно? — спрашивает он и тут же отвечает: — Раз переселенцы составляли одну треть популяции гетто, то пропорционально это давало 8 тыс. беглецов из гетто”. Автор волюнтаристски причисляет беглецов, оказавшихся за стенами гетто, ко всей “популяции” тех, среди которых какая-то доля сумела бежать. Для него беглецы — это просто “одна треть” жителей гетто, в равной степени участвовавших в процедуре побегов. Статистически баланс сводится очень красиво, но имеет мало общего с исторической действительностью. Среди беженцев случались люди богатые, с широкими контактами на “арийской стороне”, но решительно преобладала местечковая беднота, которая в устрашающих темпах шла на самое дно существования. Жители беженских пунктов и те, кто умирал с голоду на улицах, не имели никаких возможностей побега и не думали о нем.

На мой взгляд, Паульссон слишком доверяет статистике. Я восхищен его благородным стремлением дойти до конкретности, до численности. У одного еврея, как правило, было 3–4 укывища — сколько же тогда могло быть помогающих поляков? Паульссон хочет показать масштаб явления — представить ту армию людей, которая изо дня в день помогала, хоть и не всегда героически и бескорыстно. Автор очень хочет узнать их число, как будто ему хочется сказать “я знаю, сколько их было”. Но должен сказать, что я — до конца не знаю. И никогда не узнаю. Я могу только предполагать, что помогающих было больше, чем нам кажется. И знаю, что больше всего они боялись... соседей.

В контексте сегодняшней полемики вокруг Катастрофы, вокруг “исторической политики” — этой националистической картины истории, этого воздвижения памятников Роману Дмовскому^[9] — национальные историки, как мне кажется, хотят показать польский народ лучшим, чем другие. Сюда входит и популярная сегодня тенденция умножать число спасавших. Такой дискурс, на мой взгляд, ведет к слишком большому нравственным упрощениям, ибо успокаивает совесть. Получается, что нам себя уже не в чем упрекнуть. А я не хочу иметь спокойную совесть. Во-первых, я не знаю, как повел бы

себя во время войны, если бы ко мне в дверь постучался еврей — даже знакомый, даже однокашник, — а у меня за спиной были бы жена и маленький ребенок. Не знаю! И если кто-то говорит мне: “А я знаю”, — то я ему не верю. А вот вопрос с более философской точки зрения: если помогали чуть ли не все, то какой же это героизм? Героизм — это крайний вид отваги, это своего рода безумие, абсолютная вершина человеческих возможностей. Трудно взять и поверить, что каждый второй был таким героическим человеком — во время войны и Катастрофы. По соображениям попросту здравого разума или морали, о которых я говорил выше, следует осторожно оценивать цифры, приводимые Паульссоном; зато я в полном восторге от его стремления восстановить структуру “потопленного города”. Это, кстати, очень точное определение! В Варшаве фактически существовал такой город в городе. И, говоря о том, как скрывали евреев (не в одной лишь Варшаве), следует помнить то, что тоже подчеркнуто у Паульссона: кто был непосредственным врагом спасаемых и спасающих? Кого эти две группы боялись больше всего? Прежде всего соседей, а не немцев, которые были окончательными исполнителями. Немцы лишь узнавали о скрывавшихся и скрывавших. Сошлюсь на пример, который приводит Ян Томаш Гросс^[10] в своей замечательной книге “Жуткое десятилетие. Три эссе о стереотипах на тему евреев, поляков, немцев и коммунистов. 1939–1948”. В оккупированной Варшаве парни из школы подхорунжих АК ходили в офицерских сапогах — это была такая патриотическая мода, придававшая шику. Было общеизвестно, что если парень обут в “офицерки”, то он принадлежит к Армии Крайовой, к подпольной организации, за участие в которой угрожает смертная казнь. Все видели это на улице. И не было массового доноительства на этих ребят. А что происходило, когда шел еврей, да еще “плохого [т.е. откровенно еврейского] вида”? Он был в смертельной опасности. Для меня это сплетение героизма и подлости представляет величайший вызов. Мы сотканы из добра и зла. Чтобы говорить о вопросе спасения евреев, надо быть совершенно честным по отношению к этой великой теме. Речь идет о вопросах, которые глубже всего касаются человека, его души, его совести. Нельзя это делать тривиальным и сводить исключительно к цифрам, к рейтингам: кто был благороднее, у кого больше деревоц в Яд-Вашеме.

И вернусь в заключение к Выгодскому, который написал маленький рассказ “Да будут благословенны руки”. Это один из самых мрачных текстов современной польской литературы. Я поставил бы его рядом с “Раскуют нас вороны и вороны...” Стефана Жеромского. Страшный текст. Много лет спустя после

войны польский таксист везет немецкую актрису. Рассказывает ей о расстреле евреев, свидетелем которого он был. И подводит итог: “Да будут благословенны руки, которые это сделали”. А рядом — такой же короткий рассказ “Снег”. Один обычный человек помогает другому обычному человеку. Один — поляк, второй — еврей. Оба рассказа раскрывают правду о Катастрофе, об отношении поляков к евреям во время войны. Мы должны стараться увидеть целое. А его образ складывается из черного и белого.

История доступна нам лишь через личностный опыт, а не сама по себе. Поэтому так важно для меня чтение дневников и воспоминаний, о котором вы спрашивали меня вначале. Ибо в них записан этот опыт. Историю можно увидеть только через рассказ человека, а рассказы так разнородны. Я ищу конкретных людей и конкретных рассказов. Это-то меня и интересует.

Беседу вела Агата Калинская

ПРИМЕЧАНИЯ

Яцек Леоцьяк (род. 1957) — историк литературы, заведующий отделом изучения литературы Катастрофы в Институте литературных исследований ПАН, член Центра изучения массового уничтожения евреев при Институте философии и социологии ПАН, член редакции ежегодника “Массовое уничтожение евреев. Исследования и материалы”. Автор книги “Текст перед лицом Катастрофы. О сообщениях из варшавского гетто” (1997). Соавтор (с Барбарой Энгелькинг) книги “Варшавское гетто. Путеводитель по несуществующему городу” (2001), составленной из многих индивидуальных записей, свидетельств и документов. На их основе авторы реконструируют топографию гетто, реалии того времени и атмосферу тех мест и дней, связанных с Катастрофой еврейского народа. В этом году Йельский университет публикует английский перевод этой книги.

1. **Станислав Обирек** (род. 1956) — польский богослов, историк и журналист, бывший иезуит.
2. **Станислав Выгодский** (1907–1992) — польский прозаик, поэт и литературный критик, переводчик немецкой и еврейской литературы, был членом Союза польских писателей. В 1968 принужден эмигрировать, поселился в Израиле, где и умер.
3. **Богдан Войдовский** (1930–1994) — польский писатель,

литературный и театральный критик, публицист. Проза Войдовского посвящена событиям II Мировой войны, в том числе и массовому уничтожению польских евреев. Часто, как, например, в романе “Хлеб, брошенный умершим” (1971), получившем премию министерства культуры и искусства ПНР, он показывает психику жертв нацизма: чувство униженности, борьбу за выживание и сохранение своей человечности и достоинства.

4. Генрик Гринберг (род. 1936) — прозаик, поэт, драматург, эссеист. В его творчестве господствует тематика Катастрофы и судеб польских евреев. В 1942–1944 выжил, укрытый в Радошине и его окрестностях (Мазовия), а потом с “арийскими документами” в Варшаве. Из его многочисленной семьи спаслись только он и мать. Его отца Абрама убили поляки, которым он отдал на сохранение двух своих коров, а двухлетнего брата, преданного соседями, убили немцы. Писатель изучил и описал обстоятельства смерти своих ближайших родственников, в частности, в книге “Наследство”, на основе которой Павел Лозинский снял кинофильм “Место рождения”. Лауреат многих литературных премий, начиная с премии находящегося в Швейцарии Фонда Костельских (1966). Его проза переводилась на многие языки, в том числе на английский, французский, немецкий, еврейский и голландский. [На русский, насколько нам удалось обнаружить, переведена только его статья “Мир по Стасюку”, предисловие к книге Анджея Стасюка “Дукля” — правильно “Дукла”.] Член Объединения польских писателей.
5. Адольф Рудницкий (Арон Хиршхорн, 1909–1990) — польский прозаик и эссеист из полонизированной еврейской семьи. Важный мотив его творчества — мартирология евреев. Определение “эпоха печей” пошло от заглавия одного из его рассказов.
6. Александра Убертовская занимается проблематикой многокультурности, самоидентификации (в частности польско-еврейской) в польской литературе и вопросом описания Катастрофы в литературе.
7. Славомир Бурыла занимается литературой войны и оккупации, в особенности проблематикой Катастрофы, рассматриваемой, в частности, с точки зрения выдвигаемых ею вопросов о трудном выборе, благодати Божией, о сути еврейской и польской памяти.
8. Дорота Кравчинская работает в Группе изучения литературы Катастрофы. Автор книги “Собственная история

Катастрофы. О литературном творчестве Генрика Гринберга” (2005).

9. Роман Дмовский (1864-1939) — политик, политический публицист, до революции депутат II и III Государственной Думы, в независимой Польше некоторое время — министр иностранных дел, депутат Сейма. Основатель Национал-демократии, главный идеолог польского национализма.
10. Ян Томаш Гросс (род. 1947) — живущий в США польский социолог и политолог, занимающийся проблематикой времен войны. Автор, в частности, книги “Соседи” о массовом убийстве еврейских жителей Едвабне (10 июля 1941), совершенном при участии поляков — жителей города и его окрестностей.

Мечислав Яструн

ПЕСНЯ ЕВРЕЙСКОГО МАЛЬЧИКА

*Погиб Саул от вражьих ран,
Отсечена голова от тулова,
Над головой кружится вран,
Чернеет голова Саулова.*

Погибли все, и стар, и млад,
Невесты, бабы, ребята.

Лишь звезды в зимнем небе горят,
Да и тех маловато.

Все донимают: что за дорога?
А вдруг тебе приснилось?

Один я знаю, что нет Бога
И не водилось.

Не было Бога, когда в траншеи,
Вырытые поглубже,
Падали головы, скошены с шеи,
В красные лужи.

Не было Бога в ползучем дыме
Горящих тел и в мóроке газа.

Имя Ему пожар, зараза,
Ночь Ему имя.

Остался я на свете белом
Зверем в капкане,
Остался я дрожащим телом,

Кровью остался в ране.
За мною тени вдоль дорог
Ползут и глядят мне в спину.
О, если б я под землю мог
Упрятать свою личину!
Не уронил я ни слезы,
Глядя на ваши муки,
И вот лишь уличные псы
Лижут мне руки.
Человек? Этот готов сразу
Сказать свое слово,
Как огонь, как зараза:
Раз — и готово!
Боюсь я рук своих и стоп,
От них одни напасти,
Мне тень моя колотит гроб,
Нет над ней власти.
Саул просил пророков предречь,
Но пророки молчали, печальны.
Царь, как без рукоятки меч,
Вышел из кровавой купальни.

1
9
4
2

Перевод Игоря Булатовского

ШРАМ ПАМЯТИ

— В ваших книгах меня больше всего поражает интенсивность памяти и сила, с которой она требует записать всё, что вы пережили в период оккупации. Но меня интересует, почему должно было пройти сорок с лишним лет, чтобы вам захотелось это зафиксировать?

— Память о тогдашних делах и событиях у меня по сей день очень свежа, хотя встречаются в ней и пробелы. В рассказе “Лоскуток памяти” я написала, что роюсь сейчас в развалинах памяти. Так что память моя отнюдь не безупречна — скорее изранена. Мне представляется, что тот период, о котором вы спрашиваете, был временем писательства без писательства. Я всегда вынашивала намерение писать на эту тему, однако не делала этого из-за каких-то странных опасений. Пожалуй, попросту боялась прикоснуться к этим делам. Да и не знала, как это осуществить. Поэтому я не заставляла себя и не искала никаких особых правил. Однако позже я осознала, что это было ожидание такой дистанции, которая позволит мне обрести взгляд — не скажу “спокойный”, но более отчетливый. То был большой, хаотичный клубок всяких событий, до чрезвычайности болезненных и ужасающих, а потому я не знала, как перевести его в слова и как вообще затронуть эту тему. Разумеется, только у меня так обстояло дело: как-никак сразу после войны появился целый ряд прекрасных произведений литературы. Беспочвенными оказались и мои опасения, что многое позабыто, что то время уже перестало быть во мне живым. Более того, сразу же после войны я даже кратко записала самые важные события — беспокоясь, что со временем позабуду. Однако оказалось, что, когда я работала над романом “Путешествие”, мне не пришлось прибегать к этим записям. Безусловно, какие-то менее существенные факты изгладились из памяти.

— У меня сложилось впечатление, что дело обстоит в какой-то степени так, словно ваш разум не хотел помнить об определенных вещах. И что эти дыры возникают не из-за того, что забылось, а из-за подсознательного желания не помнить тяжкое и трагическое.

— Очень может быть, но не только. К примеру, “Путешествие” — это автобиографический роман, основанный на подлинных событиях; тем не менее это не автобиография — уже хотя бы по соображениям стиля и построения всего материала. Там нет

ничего выдуманного. То же самое я могу сказать и о своих рассказах — все они опираются на факты. В связи с этим я считаю свои произведения одновременно и документом, и литературой.

— Означает ли это, что “Путешествие” оказалось в такой же мере смонтированным из воспоминаний других людей, как, например, рассказы в сборнике “Лоскуток времени”?

— Нет. “Путешествие” повествует о событиях строго автобиографических — относящихся ко мне или моей сестре, потому что всё это время мы с ней пережили вместе. Если же говорить о рассказах, то среди них есть и автобиографические, и такие, которые основаны на фрагментах биографий других людей — друзей, родственников. В них нет фантазий, но некий элемент вымысла безусловно присутствует. Всё подлинное встроено там в какой-то литературный вымысел, но и он в принципе не чистый вымысел.

— Вымысел — и в то же время не вымысел? Мне это не очень понятно... Иными словами, вы хотите сказать, что на самом деле всё, о чем вы пишете, в той или иной степени построено на личных наблюдениях? А почему?

— Причин много. В частности, и то, что я не обладаю особо богатой фантазией, а потому пишу только о том, что мне близко и что я знаю. Это означает, что, если какое-то событие у меня происходит в саду или в доме, то обычно я имею в виду свой сад и свой дом.

— В сборнике “Следы” вы описываете много трагических историй, некоторые — от первого лица, прочие — от третьего. Означает ли это, что первые вы пережили лично, а остальные вам рассказали?

— Нет, такая прямая зависимость тут отсутствует; просто мне не хотелось написать чисто документальную книгу, но я не знала, как с этим справиться. Кроме того, порой мне по какой-то причине было легче писать в третьем лице. Или скажем так: беллетризовать материал.

— “Лоскуток времени” — это очевидным образом “литература факта”. Почему же вы тогда опускаете там полные названия местностей?

— Меня много раз спрашивали об этом, но я не в состоянии ответить. Просто сама не знаю. С одной стороны, не хотелось, чтобы у меня получилась сухая документальная фиксация. Но, с

другой стороны, не хотела я и полностью беллетризовать свое повествование. По этой причине я выбрала такой промежуточный путь. И, кстати говоря, не знаю, правильно ли поступила.

— “Всегда, издавна хотелось мне пересказать всё это время (...) не только его лоскуток”, — заявляете вы в своей книге. Но на самом деле случилось, пожалуй, иначе, поскольку — ведя рассказ об оккупации — вы чаще всего прибегаете как раз к поэтике фрагмента, обрывка того, что сохранилось в памяти. Нам уже известно, что эти обрывки касаются жизни не только Вашей, но и других людей тоже. Взяты ли эти материалы только из разговоров или также из писем, записей, рукописей?..

— Письмами я, пожалуй, не пользовалась. Чаще — наблюдениями и рассказами друзей либо членов семьи.

— Поскольку вы действительно подчеркиваете укорененность своей прозы в собственной биографии времен войны, то попытаемся реконструировать вашу судьбу. Лучше всего вернемся вообще к самому началу.

— Вначале всё складывалось самым счастливым образом. У меня было очень безмятежное, благополучное детство, но в последующих рассказах по существу есть только его ландшафт, играющий роль фона. Родилась я в Збараже [на Тернопольщине] — историческом месте, причем с изрядным количеством трудовой интеллигенции. В городке проживали как поляки и евреи, так и украинцы. Мой отец был врачом, мать, по образованию естественница, учительствовала в тамошней гимназии, куда позднее ходила и я. Школа эта носила, разумеется, имя Генрика Сенкевича. Мать проявляла большую заботу о нашем интеллектуальном развитии, в доме было полно книг. С самых юных лет я читала много и жадно. Весьма близка была мне и музыка, которая постоянно звучала в нашем доме. Кстати говоря, и литература, и музыка имели продолжение в моей дальнейшей жизни. После экзаменов на аттестат зрелости я не стала поступать на полонистику — она в те времена не была хорошим выбором для евреев, ибо не давала практической профессии, — а предпочла музыкальное образование. Так как аттестат зрелости я получила в довольно раннем возрасте, в доме говорилось: “Пусть сначала закончит консерваторию, а там видно будет”. Пришла война — в итоге консерваторию я не закончила, а на литературу не поступала.

— Каким вам помнится межвоенный период? Местность, где бок о бок проживали поляки, украинцы и евреи, не могла не

быть любопытной. Ощущали ли вы тогда, в бытность молодой девушкой, какие-то проявления напряженности, которые позднее — уже в годы войны — переродились в ненависть?

— На первых порах, в раннем детстве, — скорее нет. Но позже, когда я подросла и стала интересоваться этими вопросами, ситуация была уже в достаточной степени накаленной. В ту пору я уже отчетливо ощущала упомянутый конфликт. Правда, не испытывала его на себе, но знала о его существовании. Кстати сказать, это были многократно умноженные конфликты: и еврейско-польский, и украинско-польский, и украинско-еврейский. В гимназии поддерживалась такая пропорция: треть украинцев, треть поляков и треть евреев.

— Наблюдались ли в школе какие-нибудь случаи активной, действенной агрессии или же взаимная недоброжелательность находила выход и разрядку скорее в словах?

— В гимназические времена я вообще не припоминаю ни малейших проявлений агрессии. Конечно, случались не слишком-то приятные колкости от кого-либо из преподавателей, но всегда личные, без каких бы то ни было обобщений. Зато в самой атмосфере города уже ощущалось нарастание острого конфликта. Прямо перед войной оно проявлялось уже весьма отчетливо. В гимназии с первого и до последнего класса я сидела на парте с одной и той же соученицей — полькой. И мы с ней очень дружили, но потом этой дружбе пришел конец: нас разделила история. Ближе к концу школы я дружила уже, пожалуй, только с еврейками.

— Каким образом развернулись события после того, как вспыхнула война? Что происходило с вами и вашей семьей?

— В 1939 г. каникулы я провела дома. 17 сентября вступили советские войска. И до июня 1941 г., до того как разразилась германско-советская война, я училась в Львовской консерватории. А когда она началась, я с большим трудом вернулась домой. Однако опущу обстоятельства, связанные с этим возвращением и вообще с советским периодом, потому что если бы мне захотелось рассказать вам обо всем, то получилась бы настоящая эпопея.

Когда я добралась до дома, Збараж уже находился под немецкой оккупацией. Нацисты успели сжечь синагогу и совершить серию первых убийств. Вскоре после моего приезда состоялась так называемая “дикая операция”, еще не названная своим

настоящим именем, жертвой которой пал 71 человек, в том числе герой моего рассказа, озаглавленного “Лоскуток времени”. Ее провели весьма коварным и вероломным способом. По приказу немецкого коменданта всех молодых людей созвали на рынок. Мы с сестрой тоже отправились туда, но при виде огромной толпы страшно перепугались и вернулись домой, а фактически не столько домой, сколько на Замковый холм, где располагался замок князей Вишневецких. Лишь после возвращения домой мы узнали, что произошло. Оказалось, из числа собравшихся тогда отобрали 70 человек, а позднее еще и вытащили раввина из дома. Всю эту группу погрузили на грузовики, которые с ревом покинули рыночную площадь. Их расстреляли в лесу, прямо под самым Збаражем. Кстати говоря, немцы всё время утверждали, будто бы эти люди находятся где-то в лагере.

Это была первая такая операция в Збараже. До того, как в 1942 г. создали гетто, прошли еще три или четыре подобных. Только по случайности нам удалось остаться в живых. А в 1942 г. нам пришлось покинуть квартиру и перебраться в гетто, которое было открыто, но до крайности переполнено, так как туда перевезли евреев из всех окрестностей Збаража.

В тот период мы искали пути спасения. Разумеется, думали мы об этом с самого начала, но всё как-то проваливалось. К этому времени нас оставалось только трое: мать уже умерла. Отец искал нам убежище в деревне, но это было нелегко. Кто-то рассказал ему, что старается устроить для жены выезд по “арийским документам” на работы в Германию. Тогда и мы решили спастись таким же способом. Нам обоим с сестрой удалось получить поддельные документы, и поздней осенью мы выехали из Збаража, сбежав из гетто. Отец же спрятался у своей бывшей пациентки.

Мы отправились через Тернополь во Львов. А там пали жертвами первого шантажа, из которого вышли целыми и невредимыми только случайно: нам удалось откупиться, хотя никаких денег у нас не было. Это породило новые факты шантажа. Происходило нечто вроде цепной реакции: едва нам удавалось выбраться из одного шантажа, как те, что были его свидетелями, передавали информацию о нас другим. По существу это было постоянное, непрекращающееся бегство, которое началось уже во Львове и продолжалось в Германии — вплоть до весны 1943 года. С тех пор мы уже не испытывали никаких трудностей, но вплоть до самого конца войны всё равно жили в постоянном страхе перед тем, что нас распознают и выдадут. При этом необходимо отметить, что

трижды нам удавалось сбежать от ареста буквально в последнюю минуту, и проделывали мы это самостоятельно — без денег и чьей-либо помощи. Нашими помощниками были только фантазия, ловкость и случай. Мы меняли фамилии и личность, перевоплощаясь в самых разных людей. Должна сказать, что это был крайне опасный маскарад, но с каждым разом мы все больше его совершенствовали.

— Мне вспоминается сцена из вашей книги, где отец, готовя дочерей к тому, что им предстоит скрываться на “арийской стороне”, говорит им: “Ну, а сейчас выбирайте себе фамилии (...) Точно таким же тоном он говорил раньше в кондитерской: ну, а сейчас выбирайте себе пирожные”. Как мы замечаем — впрочем, вы и сами это подчеркиваете, — девочки в тот момент видят в происходящем еще своего рода переодевание, игру в театр. Но позже им уже придется играть всерьез. И ставкой в этой игре делается жизнь. Я понимаю, что это было очень трудно.

— Это было трудно только в самом начале, зато позднее стало чем-то рутинным. Я приобрела сноровку и опыт. На первых порах мы с сестрой были очень плохими актрисами, однако потом играли уже значительно лучше, пока в конце не наступило интересное явление: нам уже не приходилось ничего играть, потому что мы просто становились этими личностями. Тем самым нам все время приходилось вести двойную жизнь и думать параллельно в двух разных направлениях. Когда мы исполняли роли сельских девушек, то использовали язык, усыпанный деревенскими оборотами. Язык, словарный состав и поведение — всё это было нацелено вовне, а наша подлинная индивидуальность оказалась наглухо запертой на множество засовов, и мы никому ее не выдавали, ничем не проявляя.

— Присвоение себе другой фамилии и личности выглядело, казалось бы, решением чисто механическим, но ваша проза, тем не менее, показывает, что оно глубоко влияло на индивидуальность скрывающихся евреев. Каким образом действовал этот механизм?

— Если мы хотели, чтобы притворство и изображение себя другим человеком выглядело подлинным и убедительным — разумеется, для посторонних, — то все свои действия требовалось продумывать и осуществлять с необычайной точностью. А это было отнюдь не таким уж легким делом. Влезть в шкуру другого человека — невзирая на мнимую бесхитростность — вовсе не так уж просто. Нужно заботиться о бесчисленных мелочах, а прежде всего — уметь заранее

предвидеть различные неожиданные ситуации, из которых понадобится как-то выбираться.

— Мы, похоже, не совсем понимаем друг друга. Меня интересует, как меняется человек, когда притворяется кем-то другим. Многочисленные рассказы скрывавшихся евреев свидетельствуют о том, что после войны они жили в ситуации странного раздвоения личности. В какой степени вы остались той фиктивной персоной, под именем которой прятались? Существует ли она в вас по сей день? И если да, то каким образом? Если же нет, то когда она ушла навсегда?

— Если она и осталась во мне, то лишь в том смысле, что уже существовала ранее. Это означает, что, скорее всего, я обладала определенными чертами и качествами, которые превосходно совпадали с той выдуманной личностью. И они действительно во мне остались. Всё прочее я, однако, отбросила. Но избавилась я от этого только после приезда домой и встречи с отцом. Речь идет, естественно, о моем возвращении в Польшу.

— Вся история о том, как вы и сестра прятались, — это по существу история бегства от поляков. Естественно, и от немцев тоже, но шантажировали вас обеих поляки — они-то и передавали друг другу тайные сообщения о скрывающихся евреях. Как вы с перспективы минувших лет оцениваете ситуацию, в которой вас затравливали люди, которые по идее должны были выступать как ваши естественные союзники, а оказывались самой большой угрозой?

— В первый раз мы убегали, разумеется, от немцев. Да и в следующие разы тоже. Но вот первый шантаж был уже действительно работой двух поляков (либо, возможно, поляка и украинца). В то же самое время во Львове нам помогла поляка, у которой мы смогли остановиться. Потом на нас с сестрой донесли в транзитном лагере — и проделал это снова поляк. Но и помог нам тогда украинец либо поляк. Понятия не имею, кем он был. В Германии мы оказались в трудовом лагере, где с арийскими бумагами скрывались целых шесть евреек. В связи с этим там сложилась неприятная атмосфера подозрений, и вскоре их всех кто-то повывадал. Применительно к нашему случаю это было тем более опасным, что одной из доносчиц оказалась девушка, которая нас знала (правда, не лично, но располагала сведениями о том, кто мы такие). Это слишком длинная история, чтобы рассказывать ее здесь целиком. К тому времени нас уже искало гестапо. Поэтому всё происходившее с нами было одним большим, никогда не кончавшимся бегством — от немецкой полиции, от гестапо и — к сожалению — от поляков, которые работали вместе с нами

и могли нас распознать. Хотя встречались и такие, кто в решающий момент нам очень помог.

— В “Путешествии” вы, однако, описываете, главным образом, свой страх перед поляками...

— Да, это так. Однако следует помнить о том, что спасали нас именно поляки. Моего отца тоже сохранила в живых польская семья, у которой он скрывался несколько лет — даже тогда, когда у него уже совсем не было денег. Мы по сей день поддерживаем с ними контакт, который был еще более близким, пока жила женщина, непосредственно опекавшая отца. Она когда-то раньше состояла его пациенткой.

— У меня складывается впечатление, что, говоря об этом, вы внутренне разываетесь на части: с одной стороны, подчеркиваете, что поляки представляли собой огромную угрозу для скрывающихся евреев, а с другой — именно они евреев спасали.

— Вас мучит вопрос, как же это обстояло на самом деле? Однако ведь известно, что часть общества вела себя нейтрально; были такие люди, которые помогали евреям тем или иным образом (то есть бескорыстно либо за плату); но были и те, кто сотрудничал с немцами и доносил, — этих мы боялись всё время, потому что никогда же не было известно, с кем ты теперь встречаешься на своем пути. На сей счет в Израиле говорится и пишется очень много — это весьма болезненные вопросы.

— Насколько большим был, по вашему мнению, размах такого явления, как шмальцовники^[1]? Сколько могло орудовать шмальцовников, например, во Львове? Жили ли они исключительно за счет этого промысла или занимались им только “при случае”? Что говорят на эту тему исследования израильских историков, поскольку наши, польские историки молчат? Тем временем известно, к примеру, из рапорта командования Армии Крайовой, направленного в Лондон, что в одной только Малопольше действовало около 30 тыс. шмальцовников^[2]. В условиях столь густого сита спасение еврея представлялось самым настоящим чудом. Сколько людей они могли погубить?

— Точное количество установлено. Однако в данный момент я не в состоянии его привести. Предполагаю, что точные данные на эту тему можно найти в “Яд-Вашем”. В любом случае их было очень много. Жили ли они за счет этого занятия? Не знаю, можно ли было прожить на такие доходы. Но уцелеть,

действительно, было очень трудно. Для этого требовалось либо чудо, либо случай.

— Тогда почему польские историки не проводят исследований на эту тему?

— Понятия не имею, почему.

— На мой взгляд, потому что поляки старательно стерли ее из своей памяти, а историки — тоже поляки. Похоже, все боятся критически оценивать свои тогдашние поступки перед лицом собственной совести, ибо может оказаться, что это явление выступало повсеместно и касалось большого количества людей. А может быть, люди вдобавок еще и стыдятся, что оказались не в силах противостоять подобной мерзости?

— Прежде всего — это пятно на так называемом национальном характере. Правда? Это я считаю главной причиной. Ибо такую черту общественного характера никак не назовешь красивой. Особенно по сравнению с Западной Европой, где дело обстояло иначе. Не везде, но... (несколько мгновений спустя) Например, я довольно хорошо знаю историю своих друзей, чей младший сын в период оккупации скрывался в Бельгии. У него порвались ботинки, а приближалась зима, и хозяева, которые прятали парня, обратились к членам его семьи, скрывавшимся в другом месте, с просьбой решить этот вопрос. Но вот что самое важное: эти бельгийцы хотели сами уплатить за новые ботинки.

— Однако же в “Яд–Вашем” большинство деревьев посвящено как раз полякам. Именно они спасли больше всего евреев.

— Поэтому, быть может, истина лежит посередине... (решительно) Я в этом уверена.

— В любом обществе существуют люди подлые, низкие. Поэтому, может быть, проблема не в скверном национальном характере, а в этих бесчестных, гнусных индивидах. Но тогда, естественно, рождается вопрос: какое количество негодяев предопределяет, достигло ли уже данное явление массового масштаба?

— Да, это правда, что в каждом обществе встречаются бесчестные люди, однако в Польше шмальцовников было невероятно много.

— После войны прошло шестьдесят лет. Прощаете ли вы в глубине души тех, кто шантажировал, выдавал и убивал

евреев? Прощаете ли вы шмальцовников?

— Это философский вопрос... (После длительного молчания) Думаю, что... да. (Пауза) Я не настолько ожесточена, чтобы не суметь этого простить. Но, с другой стороны, когда я задумываюсь над всем происходившим и над собою сегодня, по истечении стольких лет, то прихожу все-таки к выводу, что в таком прощении нет полной правды.

— Густав Герлинг-Грудзинский утверждал: **“Люди человечны в человеческих условиях, и я считаю кошмарной бессмыслицей нашего времени попытки судить их по поступкам, совершённым в нечеловеческих условиях, — так, словно бы воду можно было поверять огнем, а Землю — адом”**. А каким образом смотрите на эту проблему вы? Кого судить? На протяжении скольких лет после войны? Какие выносить наказания?

— Слова Герлинга-Грудзинского содержат в себе глубокую истину и убеждают меня. Что же касается того, кого судить и какие выносить наказания, — это трудные вопросы, над которыми я вообще не задумываюсь.

— Испытываете ли вы после стольких лет потребность разыскать тех немногочисленных людей, кто в минуту опасности протянул вам или сестре руку помощи (например, Леона Кицулу, Генека)? До меня доходили частые жалобы тех поляков, которые во время войны прятали евреев, что их **“подопечные”** уже ни разу после этого не подали голос, хотя было известно, что они живы.

— Леона Кицулу я искала, но не смогла найти. Точно так же не удалось мне напасть и на след Генека. Я просто забыла его фамилию.

— Давид Варшавский^[3] говорил мне, что евреи, скрывавшиеся во время войны, порой **“забывают”** о своих спасителях, и это — нередкое явление, ему поступало много подобных сигналов. Он считает это действием какого-то глубинного защитного механизма, проявляющегося у бывших жертв. Каково ваше мнение?

— (защищаясь) Нет, нет. Ведь я же пыталась отыскать их сразу после войны. Пробовал это сделать и мой отец. Он обязательно хотел установить контакт с Халинкой и настойчиво искал ее. Сегодня у меня уже не сохранилось в памяти, удалось ли ему это в конечном итоге или нет. Помню, однако, что он отправлял посылки по ее старому адресу. Всё это происходило

сразу после войны. Отец хотел получить какие-нибудь сведения о нас, потому что знал, что мы должны остановиться у нее. По крайней мере, таков был план. Мы информировали его об этом в двух ранее отправленных письмах.

— Пани Ида, я вовсе не спрашиваю о ваших личных “расчетах” с теми людьми, которые помогли вам в период оккупации. Меня интересует более общая проблема: почему столь трудно выражать благодарность?

— Да, я уже поняла, о чем вы спрашиваете, но пытаюсь ответить, каким образом обстояло дело в нашем конкретном случае, так как на его основании кто-то тоже мог бы выстраивать какие-то ложные теории, тогда как правда была весьма прозаичной. Я пробовала разыскать Халинку, однако так никогда ее и не нашла. Писала ей, но ответа не получила. Вероятнее всего, она вместе с матерью выехала из Львова, а вот куда — не знаю.

— Меня всегда глубоко поражала стойкость, выдержка и энергия главной героини, которая в “Путешествии” выступает вашим глашатаем: ее способность принимать мгновенные решения, устойчивость против страха, ответственность за сестру. Вы что, родились с этими качествами или же они родились в вас, раз другого выхода не было? Осталась ли такая способность к борьбе и риску вашей характерной чертой на всю жизнь?

— Нет, я не всегда была такой отважной. Трудно сказать, откуда взялось подобное мужество, — родилась ли я с ним или оно родилось из необходимости, диктуемой обстоятельствами. Полагаю, какую-то роль тут сыграли воспитание и дом. Однако тогда всё случалось настолько внезапно... Мне приходилось принимать решения быстро, не всегда хватало времени обдумать их до конца.

— А если бы вы располагали временем подумать?

— Не исключено, что тогда получилось бы только хуже.

— Вы подчеркиваете (и другие писатели тоже), что ожидание самого худшего парализует, подавляет волю к выживанию, подталкивает к самоубийственным, отчаянным действиям, например к решению явиться на намеченную отправку в лагерь уничтожения или в полицейский участок. Доводилось ли вам переживать такие состояния?

— Нет, я никогда не испытывала желания явиться в еврейскую полицию. Никогда.

— Когда гибнет целый народ, а в живых остаются лишь немногие, им, наверное, приходится задавать себе вопрос: почему уцелел я, а не они? И психологически нужно что-нибудь с этим делать...

— Я отвечала себе на этот вопрос так: всё было делом случая, счастья и судьбы. Предположительно кто-нибудь искренне верующий сказал бы — Бога.

— А каким образом вы отвечали себе во время войны на вопросы о смысле страдания и о том, что Господь Бог допустил подобный ужас? И как вы думаете об этом сегодня?

— Я не принадлежу к людям верующим в подлинном смысле слова. Это означает, что я не религиозна. Возможно, такое прозвучит невероятно, но в период войны у меня вообще не было времени на подобные размышления. Всё это происходило так быстро... Только много лет спустя я начала задаваться вопросами, где был тогда Бог и почему он разрешил такие чудовищные преступления. И пришла к выводу, что полностью исключено, чтобы Господь — при условии Его существования — дозволял нечто подобное. Сегодня, по прошествии многих лет, всё это как-то поблекло, и я уже не ставлю перед собой такого рода вопросов.

— В какой степени ваши книги представляют собой попытку упорядочить для себя и объяснить собственное прошлое? Что вы поняли благодаря им, а чего понять не удалось?

— Благодаря им я поняла, что только огромная воля к жизни и очень высокая активность, когда всего себя вкладываешь в попытку выживания, могли принести какие-то результаты. Но, наверное, существуют и такие вещи, которые вообще не поддаются объяснению.

— Что вы имеете в виду?

— Во многих случаях мне сегодня кажется, что если бы я во время войны поступила иначе, то для нас это было бы, возможно, лучше... Но уверенности в этом у меня нет.

— “Мне бы хотелось, чтобы остался след”, — говорит героиня одного из ваших рассказов. Что это — потребность спасти память о других людях или желание в конце концов отмежеваться от прошлого и наконец-то подвести какой-то итог счетам памяти, закрыть их? Залечивает ли раны памяти

такая фиксация происходившего на бумаге или — совершенно напротив — лишь берedit их?

— Скорее берedit, хотя это трудно разграничить. Думаю, и то и это. Я берedit или же залечивала эти свои раны пятьдесят лет назад. Может, впрочем, не пятьдесят, но много лет назад. Такая у меня в ту пору существовала потребность. Потребность рассказать всё, что тогда случилось.

— Испытывали ли вы, когда писали, искушение идеализировать фигуры людей, уже ушедших из жизни? Чтобы хоть таким образом воздать им справедливость?

— Нет, идеализировать — нет, но говорить о них правду, какой бы эта правда ни была, — да.

— Нью-йоркские евреи страшно нападали, к примеру, на Зингера за недостаточно идиллическую картину еврейского мира в довоенной Польше. По их мнению, он не имел на это права, так как об убитых можно говорить только хорошо. Является ли подобная позиция повсеместной в Израиле?

— Нет. Эта позиция не является повсеместной. В Израиле повсеместная позиция — стремление говорить правду.

— Вы в своей прозе чаще, чем другие летописцы Катастрофы, показываете честных, порядочных немцев, у которых обнаруживаются человеческие порывы. Вытекает ли это из вашего личного опыта или из философии представлений о той эпохе?

— Частично это вытекает из моих собственных переживаний и опыта. Я знала многих приличных немцев.

— В какой мере вы наблюдали у себя механизм вытеснения военных ужасов из памяти? Забываются ли те вещи, которые трудно вынести? И действительно ли они забываются или же от них очищается лишь какая-то зона памяти?

— Думаю, что очищается только какая-то зона памяти, но это болезненные вещи. И аналогично тому, как я придерживаюсь собственного принципа: не писать и не рассказывать о жестокостях, происходивших во время войны, — точно так же нет у меня и желания даже думать об этом. В определенном смысле мои книги были таким возвращением, но для того, чтобы иметь возможность...

— ...очиститься? Позабыть?

— Думаю, скорее столкнуть всё это куда-то вглубь.

— Описывая Катастрофу, вы действительно не прибегаете к резким и грубым средствам, да и вообще избавляете нас от зрелища жестоких сцен. Что это — плод художественного решения, психическая блокада или соблюдение какой-то приватной художественной этики?

— Это сознательная блокада. Я сама очертила для себя границы, которые не хотела переступить даже словом. Сознательно установила себе запрет говорить на некоторые темы.

— Превосходным примером здесь служит рассказ “Игра в ключ”, анализ которого предлагался в этом году как одна из тем в ходе экзаменов на аттестат зрелости в Польше.

— Что вы говорите? Понятия об этом не имела. Это интересно. Я действительно рада. Должна вам сказать, что и здесь, в Израиле, этот рассказ тоже послужил одной из выпускных экзаменационных тем. Мне домой даже позвонила какая-то совершенно не знакомая мне школьница и попросила: “Расскажите мне, пожалуйста, что именно вы хотели сказать, когда писали этот текст”. Я была настолько изумлена, что не знала, как следует ей ответить. Знать-то я знала, но не имела представления, каким образом выразить свои мысли словами. Это оказалось нелегко. Кстати говоря, схожие звонки случаются у меня очень часто. “Пожалуйста, расскажите, какова идея такого-то рассказа”. Это худшее из всего, что может приключиться... (Общий смех)

— (становясь серьезным) Вернемся к сюжету о боли памяти. Если бы вам сегодня предложили возможность забыть обо всём, что произошло во время войны, то какой вариант вы предпочли бы — благословенность забвения или боль памяти?

— Боль памяти, потому что она была сильнее, нежели благословенность забвения.

— Насколько я слышал, после войны вы совершили путешествие в то место, где вас допрашивали. Имело ли это какие-нибудь последствия в вашей дальнейшей внутренней жизни?

— Я и в самом деле совершила такое путешествие. Поехала я туда, кстати говоря, с мужем. И вот каков результат: всё, что отложилось в моей памяти, полностью отличалось от того, что я обнаружила на месте. Например, в моей памяти площадь

сохранилась квадратной, а в действительности она оказалась округлой. Я даже написала об этом отдельный рассказ под названием “Встреча с местом”. Путешествие это не имело никаких последствий для моей психики — ни положительных, ни отрицательных.

— Проблема памяти у жертв невероятно сложна. Когда им приходится выступать на суде в качестве свидетелей, адвокаты палачей с легкостью ставят их показания под сомнение, потому что как раз подобные факты часто не сходятся. Эту проблему вы показываете в рассказе “Стол”. Если бы вам понадобилось в нескольких фразах рассказать, например, учащимся или студентам, в чем состоит его задача, какое послание он несет читателям, то как звучал бы ваш ответ?

— Это трудный вопрос, потому что таких посланий много. Я просто хотела каким-то образом показать отношение права и судебной системы к тем делам, которые имели место во время войны.

— Вы нередко изображаете в своей прозе толпу людей — согнанную на рынок, убегающую, загружаемую в поезд или грузовики. Что вы сегодня чувствуете и думаете, когда видите толпу, скажем, на площади или на улице?

— Сегодня — немного, но был такой короткий период, сразу же после окончания войны, когда я этих толп не выносила и боялась. Сегодня — уже нет.

— Грузовики и поезда служили для транспортировки на места казни или в концлагеря. С какими чувствами вы садитесь сегодня в поезд и автобус? Запускает ли память горестные ассоциации?

— Нет, но те толпы, которые иногда приходится видеть, к примеру на рынке, — уже да.

— Во время войны почтовые открытки, посылки и письма были невероятно сильными знаками, так как они приносили, в частности, известия о жизни либо смерти. С какими чувствами вы встречаете письма сегодня?

— Сегодня я получаю их совершенно без всяких предчувствий, нисколько не боюсь их.

— Каким образом дело дошло до вашей эмиграции в 1957 году? Сыграло ли здесь роль какое-нибудь конкретное

событие или же вы планировали отъезд заранее и только дожидались определенных политических перемен?

— Основная часть нашей семьи еще до войны жила в Вене, а после ее окончания выехала в Израиль. Мы хотели к ним присоединиться.

— Скучаете ли вы? И если да, то по чему — по Збаражу или по детству?

— Сегодня я уже не скучаю. С мыслью об отъезде я жила достаточно долго, так что привыкла.

— А если бы возникла возможность поездки на Украину?

— У нас с сестрой все время была возможность поехать в Збараж, но мы не хотели. Боялись психологического шока, который могли бы пережить. В конце концов, нам довелось испытать там страшные минуты. А теперь уже слишком поздно для таких путешествий.

— В вашей прозе часто возникает мотив реки. Скажем, две героини “Путешествия” останавливаются у реки; в произведении под названием “Ночь капитуляции” вы пишете: “Вода в реке пылала огнем победы”; в “Весеннем утре” появляется река Гнезна, на которой стоит Збараж, — вот лишь некоторые из многочисленных примеров. Каково значение этого мотива?

— Думаю, чисто документальное, ассоциативное. Если он функционирует на символическом уровне, это означает, что так получилось неосознанно.

— А мне казалось, что река — ваш любимый мотив...

— Пожалуй, что-то в этом есть. Знаете ли, я выросла у реки, которая протекала прямо через наш сад. Что-то, разумеется, в этом есть. Но всё это происходит подсознательно.

— Можно ли назвать антисемитизм в Польше усыпленным чудовищем? И оживет ли он, если дать людям разрешение убивать и безнаказанно грабить?

— Думаю, антисемитизм в Польше по-прежнему остается живым, но обобщать тут не следует. Существуют люди такие и сякие. Нет абсолютно никакой возможности вывести отсюда какой-то закон.

— Как вам представляется, откуда рождается подобное мироощущение? Ведь большинство поляков — это молодое поколение, а потому они даже не знают, как выглядит еврей, и не располагают ни малейшими знаниями о еврейской культуре.

— Полагаю, что когда-то истоки возникновения антисемитизма лежали в неких стереотипах и предубеждениях. А сегодня? Мне трудно сказать. А вы как думаете?

— Думаю, что в глупости и историческом невежестве. Это разновидность эдакого чисто овечьего стадного чувства, когда один идиот повторяет что-то вслед за другим идиотом, а поскольку их много, то они в состоянии заразить изрядную часть общества. Кроме того, глупость агрессивна — она терроризирует остальных.

— Уж это наверняка.

— Следили ли вы за польской дискуссией вокруг Едвабне? Что вы думаете о ее уровне и последствиях?

— Я следила за проходившей дискуссией, читала и написанную на эту тему книгу Яна Гросса. Книга была очень хорошая, зато я совершенно не знаю, как судить об уровне дискуссии. Ужасающе прежде всего то, что такое могло произойти. Ужасающе!..

— Не очень давно отмечалась шестидесятая годовщина событий в Едвабне. На месте преступления воздвигли памятник. В этом году во время очередного чествования представители еврейской общественности высказали мнение, что на памятнике должны быть высечены слова: “Здесь поляки убили своих соседей”. Как вы думаете — в этом есть необходимость?

— В этом нет необходимости. Я имею в виду как личные, так и семейные соображения. Такое только раздражает. Но, с другой стороны, из исторических соображений необходимость в этом есть.

— А если последствием явится, например, новый антагонизм?

— Обелять и объяснять эту ситуацию антагонизмом нельзя. Недопустимо замалчивать преступление, потому что тем самым затемняется история. Но признаюсь вам, что размышления о том, каким образом поляки должны вести

расчеты с собственной совестью, от меня далеки, очень далеки. Не знаю. Я никогда об этом не думала.

— Каким образом вы после военных испытаний воспринимаете нынешние сражения в Израиле? Как, по вашему мнению, следует поступать с палестинцами?

— Я целиком и полностью за скорейшее решение спорных вопросов, за примирение, причем с максимальными уступками. Очень значительная часть израильского общества думает так же, как и я. Это те, кто ходят с голубоватыми ленточками... Мы с сестрой тоже принадлежим к этим “голубоватым”.

— Въезжая на территорию Палестинской автономии, можно увидеть на стенах надписи “Welcome in Getto” или звезду Давида, рядом с которой изображен знак равенства и свастика...

— Это ужасно. Безусловно, существует весьма правая часть общества (хотя сама она себя таковой не считает), которая действительно дает повод для подобных обвинений. Мы, однако, целиком против всего такого. Абсолютно!

— Одни в Израиле живут уже мыслями о будущем, тогда как другие по-прежнему не в состоянии прийти к согласию со своим прошлым. Некоторое время назад я со сдавленным горлом прочитал рассказы Ирит Амель^[4] — показывающие, как у тех, кто уцелел после Катастрофы, уже нет сил жить, как по истечении стольких лет после войны здесь, в прекрасной Яффе, Хайфе, Тель-Авиве или Эйлате их настигает депрессия, как они, измученные своей памятью, покушаются на свою жизнь, чтобы уже больше не страдать. Насколько далеко можно обобщить диагноз Амель? Подтверждают ли ваши наблюдения повсеместность этого синдрома?

— Такие случаи возможны, люди годами лечатся в больницах. Но я ни в коем случае не подтверждаю этого в качестве общего принципа. Какой-то импульс дает силу жизни.

— Иными словами, после Катастрофы можно быть счастливым? Вы помните знаменитую фразу Теодора Адорно, что после Освенцима поэзия уже невозможна. И, стало быть, не должны существовать счастье, чувство безопасности, любовь...

— Он это сам позже изменил и опровергал собственный тезис. Я же утверждаю, что это абсолютно неправильно. Лучшее

доказательство — те произведения об оккупации, которые возникли после оккупации.

— Нужно ли, чтобы писать о Катастрофе, самому ее пережить? Можно ли описывать те времена на основании сообщений каких-то других людей? Признаёте ли вы за польскими авторами, которые родились уже после войны, право писать о Катастрофе и пользоваться при этом своим воображением?

— Одним лишь воображением — наверняка нет. Если, однако, пишущие хорошо подготовлены к данной теме и знают источники, а также устные рассказы, тогда другое дело. В принципе, однако, я против того, чтобы о Катастрофе писали люди, которые ее не пережили. Речь для меня идет не только об испытанных страданиях, но и о знании. Аналогичным образом часто ставится вопрос, вольны ли писать об оккупации те, кто ее не переживал. Всё зависит от того, насколько далеко простирается их знание и обладают ли они талантом. Право писать имеет каждый. Этого нельзя запретить, только бы оно не порождало фальсифицированную, извращенную историю.

Беседу вел Станислав Бересь

при сотрудничестве

Магдалены Гуменной, Эльжбеты Хутыры

Тель-Авив, сентябрь 1996 — июль 2005

Ида Финк — прозаик, драматург; род. в 1921 в Збараже, в еврейской семье. В 1942 вместе с сестрой ускользнула из гетто и записалась на работы в Германию, откуда — под угрозой доноса — бежала и скрывалась до конца войны. С 1957 живет в Тель-Авиве. Автор, в частности, таких написанных по-польски книг, как роман “Путешествие” (1990) и сборники рассказов “Лоскуток времени” (1987), “Следы” (1996), “Отплывающий сад” (2002). Ее проза художественно экономна и лишена эмоций. Охотно пользуясь эстетикой фрагмента, она потрясающим образом воспроизводит события и сцены времен оккупации, проявляя заботу о подлинности при воспроизведении отчаянного положения евреев, которые борются за выживание в эпоху Катастрофы. Ида Финк — лауреат премий имени Анны Франк, института “Яд-Вашем”, Якоба Бухмана, имени Альберто Моравиа и Государственной премии Израиля по литературе. Нью-йоркский Национальный центр еврейской книги включил ее в число ста самых

значительных еврейских писателей. Переводилась на иврит и многие европейские языки.

1. Шмальцовниками назвали людей, которые вымогали у евреев выкуп под угрозой доноса. — Здесь и далее прим. пер.
2. Армия Крайова рассматривала шмальцовников как предателей и карала смертью.
3. Журналист “Газеты выборчей” и главный редактор журнала “Мидраш”, посвященного еврейской тематике.
4. 77-летняя израильской поэтесса, переводчица и прозаик родом из Польши.

“ПУЛЬС”, или ИГРА

Когда 30 лет назад у меня дома появились Яцек Березин и Витек Сулковский^[1], я еще не знал, что этот визит вышвырнет меня из пространства официальной жизни и перенесет в “подполье”. Особливость этой ситуации — точно так же, как особливость самой “бумажной революции”, одного из тех видов деятельности, которым предстояло привести (во что тогда еще мало кто верил) к краху коммунизма, — была многообразна. Она выражалась не только в мнимом противоречии между открытой и подпольной “подпольностью”, но также или, может быть, прежде всего — в том, что эта неконспиративная конспирация почти с самого начала несла в себе что-то от игры, развлечения, от радостной и захватывающей, подлинно творческой деятельности, а вместе с тем в ней каким-то чудным образом сочеталась серьезность польских “национально-освободительных битв” последних двухсот лет с несерьезностью стихийного бунта молодежи, отвергающей мир тех ценностей, который ей навязывают взрослые. Даже более того: эта несерьезность удостоверяла давнишнюю серьезность. Иначе говоря: коммунизм, конечно же, был противником серьезным, известным нам всем из ежедневного опыта, но вместе с тем и не был серьезным противником, его еще не до конца различимую слабость можно было ощутить, наблюдая за его отношением к Западу, замечая небольшие и с виду вроде бы только формальные, но убийственные для системы уступки в вопросе соблюдения прав человека.

Так я реконструирую обстоятельства, в каких дело дошло до прихода ко мне Яцека и Витека. Они предложили мне вместе с ними редактировать независимый литературный ежеквартальный журнал “Пульс”. “Пульс” был журналом вполне конкретного поколения: хотя подобно начавшему выходить ранее “Запису”, а позднее и прочей неподцензурной периодике он был открыт и для тех, кто постарше, и для тех, кто помоложе, это не означало, что он не подходил к отбору материалов со своим собственным “ключом”. Если бы сегодня воссоздать этот код, можно было бы, листая первые номера, указать на переплетение двух линий: несерьезности гротескного творчества Витольда Гомбровича и бунтарской тональности американских битников, представленных на полосах “Пульса” переводами поэзии Ферлингетти и Гинзберга.

Была тут и изрядная доза провокации: по отношению как к оставляемой вовне тоталитарной системе, так и к своего рода “благоевности” и серьезности, встречавшихся в оппозиционной деятельности.

Компания, собравшаяся вокруг “Пульса”, неплохо развлекалась редактированием этого журнала, что было наверняка одним из главных качеств, отличающих эту среду от многих остальных редакций, а уж прежде всего — от “Записа”. Об “игровом” характере журнала свидетельствуют как его фельетоны и очерки, так и появление на свет отдела, носившего название “Культурное и некультурное обозрение”, манера составления хроникальных материалов, виды редакционных анонсов и т.п. “Пульс” находил свое место между фальшью официальной культурной жизни и вынужденно “монументальной” позой культурной жизни оппозиции. И это, ясное дело, тоже была поза, но ставившая на неподдельную и стихийную деятельность, на своего рода наивность, а одновременно и на стремление пересмотреть все навязанные извне “правила поведения”. Примером такой отрежиссированной наивности может послужить наше первое в среде независимой культуры начинание — дискуссионный цикл, посвященный теме ангажированности творческой интеллигенции в дело коммунизма. Тем самым было нарушено табу, лишавшее возможности “найти себя”, и в первый момент это вызвало довольно недоброжелательные комментарии, однако в более длительной перспективе оказалось опережением тех тенденций к самоочищению интеллигентских кругов, которые проявились в 80-е годы. При этом кажется существенным подчеркнуть, что речь шла не о том, чтобы предъявить обвинения бывшим коммунистам, теперь ставшим (или не ставшим) противниками строя, или же добиваться от них какой-то “самокритики”, но о попытке понять механизм этой смычки с коммунизмом после 1945 года. И здесь есть смысл отметить, что охота на “левые уклоны” сопровождалась показом опасности “правых уклонов”, что, может быть, наиболее полно уловил Яцек Березин в фельетоне “Глупость правительственная и глупость антиправительственная”. “Независимость в независимости”, этот несомненный идеал редакции “Пульса”, не означала, однако, недисциплинированности — заботе о дисциплине не мешали многочисленные, невзирая на все наши усилия, неприятности с органами — то обыски, то допросы, иногда задержания редакторов, зато помогали ей не только приятные случаи финансовой поддержки, но и сотрудничество десятков людей, помогавших нам, — ныне анонимных, да и тогда остававшихся в тени и знавших только, что “так поступать положено”. Я

вспоминаю о них не случайно. Это “так поступать положено” было, пожалуй, самой универсальной формулировкой, определявшей мотивы нашей деятельности — деятельности всех, кто оказался в кругу “Пульса”. Не политическая позиция была для нас самой важной — хотя, разумеется, сопротивление коммунизму создавало самую общую для всех нас плоскость со бытия. Важнее всего было, пожалуй, оставаться самим собой, защищать свою непосредственность, не любить политику, понимаемую как разгадывание тактических и стратегических загадок, как “игра другими”. Мы играли или же развлекались прежде всего самими собою и для себя — и поэтому, как нам, по крайней мере, казалось, и для других тоже. Это не значит, что мы не были впутаны в политику. Тогда избежать этого не было возможности — всё было в какой-то мере “политическим”, даже декларации нелюбви к политике, и уж, конечно, редактирование неподцензурного журнала.

Когда я сегодня воссоздаю атмосферу редакционных разговоров и споров, которые мы вели, то самым важным должен признать дистанцию, отделявшую нас от всех этих уже отчетливо политических группировок. С одной стороны, мы выступали против замазывания или прямой фальсификации коммунистического прошлого многих оппозиционных деятелей, а с другой — все-таки опасались инструментального использования этого прошлого. С одной стороны, нам претила национал-патриотическая риторика, с другой — раздражала преувеличенная осторожность в изъятии чаяний независимости. Наверное, мы тут сами себя располагали в каком-то “между”, в срединном пространстве или, может, скорее в зоне политической наивности, которая при описании действительности отвергает тактические соображения.

Быть может, как раз своеобразно “провинциальный” статус “Пульса” привел к тому, что здесь, а не где-либо еще началась дискуссия о соцреализме — продолжалась она недолго, и не только потому, что уже в 1980 г. появились важные текущие проблемы, из-за которых планы журнала неизбежно приходилось менять, но и по той причине, что не все приглашенные приняли в дискуссии участие. Одним из них стал Тадеуш Конвицкий, который в “Восходах и заходах луны” так комментировал этот вопрос: “Наибольшее любопытство по поводу этого периода начали проявлять литераторы из оппозиционных закамарков. Даже меня, а может, в первую очередь меня, они взяли в оборот на предмет преступлений сталинских времен. (...) И мне показалось, что это любопытство — чуточку нечистое, словно интерес к порнографии. (...) А тогда вдруг выползло откуда-то из-под кровати некое некрасивое

подозрение. Точнее, я испугался мысли, что молодые коллеги хотят нас, коллег постарше, ухватить за яйца и держать в капкане тонкого шантажа, бдительного принуждения. Что, мол, постоянно имея перед глазами свое извлеченное молодежью преступное прошлое, мы будем помягче в торговле за их место в литературе, за венки, за власть над душами”.

Дело отнюдь не маргинальное. Ибо похоже, что именно вопрос сталинизма и соцреализма с самого начала был одним из самых сильных факторов, цементирующих редакцию “Пульса”. В наших попытках выяснить правду о прошлом речь шла прежде всего о том, чтоб избавиться от такого рода мышления. Понимание механизмов, которые много лет назад склонили наших старших коллег и друзей к переходу на сторону коммунистов, не должно было служить какому-то изобличению. Его цель состояла скорее в том, чтобы обнажить смысл этих пропагандистских “изобличений”, но вместе с тем нас, пожалуй, волновало нечто значительно более серьезное: разоблачить всякого рода манипуляции, которые совершаются во имя социальной инженерии, независимо от того, какая идеология прицеплена к подобной практике.

Как вскоре оказалось, Анджей Вайда в “Человеке из мрамора” показал кого-то вроде нас, роль, сыгранную — кстати говоря, великолепно — нашей почти ровесницей Кристиной Яндой. Как и ее героиня, мы обшаривали архивы, просматривали старые документы, копались в биографиях не ради того, чтобы разоблачать и изобличать, а чтобы разобраться и узнать, откуда это всё взялось. Хотя мы, разумеется, знали, что это подпиралось советскими штыками, но знали мы и то, что отнюдь не штыки вынуждали людей искусства делать политический выбор — во всяком случае, не тех, кого мы знали. А потому нам очень хотелось, чтобы табу перестало действовать, чтобы возникла возможность говорить обо всём этом откровенно, без комплексов, но и без сведения данного вопроса к одним лишь политическим оценкам. В своих исканиях мы наверняка заблуждались, ранили близких нам людей, не зная еще, что многие дела до конца выяснить не удастся, не удастся легко разложить всё по полочкам и рассовать в ящички, помеченные примитивными этикетками. Мы создавали картотеку, которая рассыпалась у нас в руках.

Говоря о самих себе, мы помещали себя в широко понимаемый контекст “поколения 68 го года”, отмеченный и польскими мартовскими волнениями, и “Пражской весной”, окончившейся польскими танками на улицах чешских городов, и парижским маем, и студенческим бунтом в ФРГ, а частично и

студенческими мятежами в США, но не экстремальным бунтом западной контркультуры, выражавшимся в призыве сжигать библиотеки, и не радикальными позициями западных леваков, которые издавали Ленина или Мао и зачитывались ими, не террористическими актами “Красных бригад” или “Фракции Красной армии”. Думается, нам вообще было неуютно в делении на “левых-правых” (мы были склонны скорее оспаривать, чем признавать его функциональность), но в то же время мы не умели — при всем понимании источников бунта наших западных ровесников — разделить их убеждение “лучше быть красным, чем мертвым”; возмущала нас и злила и их установка “не читать Солженицына”, исходившая из посылки, что он непременно лжет.

Жить не по лжи, жить в правде — такова была наша программа-минимум, и по прошествии лет для многих из нас, несомненно, своего рода шоком стала демонстративная уверенность, что правду можно отбросить, что не удастся ясно и для всех установить какой-то ее критерий. Не без страха мы принимали такую мысль как продолжение той самой антисолженицынской позиции наших западных ровесников 60-70 х годов. Этот страх вытекает еще и из того, что теперь стало можно оспорить и поставить под сомнение и такие “великие истории” нашего опыта, как нацизм и коммунизм. Внезапно оказывается, что ничего этого не было. Что, как пишет сегодня Ружевич в сборнике “recycling”, Катастрофы еврейского народа тоже не было. Мы не соглашались, и многие из нас по-прежнему не соглашаются с тем, что можно играть болью, отчаянием и смертью, преобразуя этот их опыт в “игру интеллекта”, который абстрагируется от их экзистенциального аспекта.

1. Яцек Березин (1947-1993, Париж) — польский поэт, альпинист, деятель “Солидарности”, публицист. В 1971 впервые попал в заключение за оппозиционную деятельность. С 1974 на его публикации в Польше был наложен полный запрет. Во время военного положения интернирован. С 1982 в эмиграции, где сотрудничал с парижской “Культурой” и радио “Свободная Европа”. Витольд Сулковский (1943-2003, Лодзь) — писатель, публицист, радиожурналист, работал, в частности, библиотекарем. Его жизнь и биография во многом переплетается с Березиным. Во время военного положения тоже был интернирован. С 1982 в эмиграции в США, где сотрудничал с радиостанцией “Голос Америки”. Сходная биография и у автора данной статьи, родившегося в 1946. — Прим. пер.

ЧТО ЗНАЛ МИР О ТОВАРИЩЕСТВЕ НАУЧНЫХ КУРСОВ?

В 1978 г. известный американский журналист писал: “Этого не может быть. В советской системе не бывает так, чтобы били и отпускали”.

В январе 1978 г. группа известных ученых и деятелей искусства основала Товарищество научных курсов, под покровительством которого с осени 1977 г. читались лекции в рамках Летучего университета.

В прошлую пятницу [25 января 2008], спустя 30 лет, в Варшавском университете состоялась дискуссия о роли ТНК, в которой участвовали основатели и члены Товарищества, а также историки.

Лекции проходили на частных квартирах — прежде всего в Варшаве, но еще и в Кракове, Познани и Вроцлаве. Темами этих лекций обычно становились неудобные для властей ПНР вопросы — такие, о которых говорить в университете, например, было сложно. Вот, скажем, темы лекций: Богдан Цивинский — “Польский вопрос в политической мысли и общественном самосознании в эпоху разделов”; Анджей Дравич — “Русская литература XX века на родине и за рубежом”; Ежи Едлицкий — “Современная политическая идеология”; Тадеуш Ковалик — “Экономическая история и история польской экономической мысли (1944–1971)”.

Участники встречи поделились своими воспоминаниями.

Проф. Анджей Фришке,

историк, занимающийся историей оппозиции в ПНР:

Госбезопасность и партийные власти были с самого начала обеспокоены этими лекциями. Давление оказывалось очень сильное — прежде всего чтобы не допустить проникновения этой “заразы” за пределы Варшавы, в менее крупные центры. Во многих городах лекторов задерживали.

В архивах сохранились протоколы специальной группы, созданной органами партии и МВД, которая разрабатывала

методы борьбы с оппозицией. Не без удивления я должен отметить, что ТНК рассматривалось ими как самая серьезная структура оппозиции, которую необходимо было разбить. Особо опасными они считали университеты, где происходит столкновение между официальной идеологией и оппозицией, а победа властей вовсе не predetermined.

На занятиях организовано появлялись специально подготовленные властями для этой акции студенты, чтобы втягивать преподавателей в идеологический спор. Их целью было заставить нас нервничать, постараться скомпрометировать и представить плохими поляками, врагами Польши.

Зимой 1978–1979 гг. эти акции достигли фазы рукоприкладства, ибо сама по себе конфронтация не приносила ожидаемых результатов. Активисты не справлялись.

Анджей Целинский,

активист Комитета защиты рабочих (КОР)а, организатор ТНК,

бывший министр культуры, ныне депутат парламента от “Левых и демократов”:

Основной идеей ТНК было объединить людей. Оказалось, что образование — особенно когда речь идет о ликвидации “белых пятен” — обладает способностью объединять людей, далеких друг от друга в иных сферах деятельности. С одной стороны, в ТНК состояли Адам Керстен, Мария Янион, Ян Стшелецкий, а с другой — о. Хауке–Лиговский. Мне казалось, что в иных обстоятельствах добиться этого было бы очень трудно. КОР был чересчур политизирован: “То, что связано с КОРОм, слишком опасно”. А ТНК представляло собой нечто новое.

В лекциях ТНК, по моим оценкам, принимало участие не более 600 человек. Зато резонанс этой работы был огромным.

Проф. Тадеуш Ковалик,

экономист

Приехали как-то в Польшу три венгерских оппозиционера. Помню, во время нашей прогулки по улице за нами шёл гэбэшник, очень нервничал и громко наговаривал в сумку (полотняную, других-то тогда не было): “Они говорят по-английски, говорят по-английски”. После лекции ТНК один из наших гостей сказал мне: “У нас такое было бы невозможно.

Сразу после лекции на следующий день тебя бы уволили с работы, а студентов — исключили”.

Проф. Ежи Едлицкий,

историк общественно – политической мысли

Мы в ТНК крепко спорили. И спорили не по поводу идеологии, а по поводу тактики сопротивления. Что касается идеологии, вокруг ТНК — как и вокруг КОРа — объединились и старые и молодые люди, верующие и неверующие, левые и правые, и те, кто в прошлом состоял в ПОРП, и те, кто был в АК, и те, кто отсидел. И всё происходило в атмосфере доброжелательности, взаимного уважения. Сегодня даже трудно себе такое представить, поэтому я так сентиментально это вспоминаю.

Вальдемар Кучинский,

экономист, бывший министр по делам приватизации

Наезды милиции выглядели довольно зрелищно. В моей квартире, а мы с женой и двумя маленькими детьми жили в блочном доме, мне предстояло проводить семинар по экономической политике. Часа за два до занятий к дому подъехали два микроавтобуса. Один — со двора, другой — с улицы.

В квартиру вломилась команда из пяти человек. Двое в штатском, которые делали вид, что проводят обыск, фотограф, радист и милиционер в форме.

Когда приходили слушатели и раздавался звонок в дверь, милиционер молниеносно открывал ее, фотограф снимал испуганных студентов. Затем записывали их данные и отпускали. Занятия были назначены на восемь вечера. Компания посидела до девяти, а потом убралась.

Мои дети — одному тогда было восемь, а другому десять лет — здорово тогда развлекались, ибо по дому ходили невероятные слухи, что в подвале найден труп, что поймали опасного бандита и т.п.

Генрик Вуец,

активист КОРа, бывший депутат

Мы с Людой предоставляли нашу квартиру для лекций. Как-то раз на лекцию зашел мой сосед. Указывает на одного из

слушателей и говорит: “А вон того я знаю, он у меня обыск проводил”. Гэбист как-то быстро после этого собрался и ушел.

У ТНК был такой финал, которого мы не ожидали. Во время “Солидарности” те же лекции проводились в заводских цехах. Мы устраивали их в Мазовецком регионе в рамках рабочего университета.

Проф. Бронислав Геремек,

историк, бывший министр иностранных дел

Что мир знал о ТНК? В 1978 г. я разговаривал с очень известным журналистом из газеты “Вашингтон пост”. Я объяснил ему, что такое Летучий университет и ТНК. Он выслушал меня и сказал: “Послушайте, этого не может быть. В советской системе не бывает так, чтобы били и отпускали. Если есть за что, то бьют и отправляют в лагерь. Что-то здесь одно с другим не вяжется”.

А ТЕПЕРЬ — РОССИЯ!

Мода на итальянский и испанский языки сменилась модой на русский. Его изучают бизнесмены, путешественники и те, кто увлечен восточными соседями Польши.

Кроме школьников и студентов, на курсы русского записываются менеджеры, коммерсанты и люди искусства. Русский для них — второй или третий иностранный язык. Путешествие по Транссибирской магистрали, более высокие заработки, чтение русских классиков в оригинале — вот лишь некоторые причины того, что после пятнадцатилетнего забвения интерес к русскому языку возвращается. Вместе с ним оживает потребность в литературе, фильме, музыке и даже кухне стран к востоку от Польши. Русский не выучишь просто так — из урока в урок. Большинство тех, кто приходит на курсы, начинает интересоваться культурой и умонастроениями России, Украины, Литвы и Белоруссии. Они встречаются по вечерам и вместе смотрят русские фильмы, спорят о Достоевском и Булгакове, которых после нескольких лет обучения могут читать в оригинале.

Язык до денег доведет

Из года в год в бизнесе всё больше и больше нужны люди, говорящие по-русски.

— Это происходит, потому что политические, экономические, научные и культурные отношения между Польшей и Россией возвращаются в нормальное русло, — говорит доктор наук Игорь Тетерев, руководитель языковых программ Русских центров науки и культуры в Варшаве и Гданьске. В настоящее время на организованных РЦНК курсах учится более 200 человек. Изучение русского языка ежедневно собирает в столице, на Бельведерской улице, людей разного возраста, профессий и увлечений — школьников, студентов, сотрудников коммерческих фирм, домохозяек. Живой интерес вызывают и университетские факультеты и отделения русской филологии. Варшавский университет выделил в этом году 90 мест на дневном и 40 на заочном отделении, а желающих поступить оказалось почти 400.

Аня Ковальская закончила россиеведение в Люблине, в университете им. Марии Склодовской – Кюри. Ей 26 лет, она

начальник секретариата “ИСД Польша” — расположенного в варшавском Мокотове филиала “Индустриального союза Донбасса”, который инвестирует в польскую металлургическую и судостроительную промышленность. Большинство сотрудников компании родом с востока, поэтому обычно в фирме разговаривают по-русски. Через руки Анны ежедневно проходят папки с документами, написанными кириллицей. Если бы не прекрасное знание русского, она не могла бы даже претендовать на эту должность. Так же, как большинство ее ровесников, она начала изучать язык уже в школе. В выпускном классе решила, что будет бороться за место на русской филологии.

— Мои одноклассники сдавали выпускной по истории, биологии или математике, а я, первая в истории моего лица, — письменный экзамен по русскому, — рассказывает Анна.

В университет она поступила без проблем, но сама учеба оказалась не из легких. За пять лет Анна изучила не только язык, но и историю, культуру этой, как она говорит, необыкновенной страны. Будучи студенткой, она еще точно не знала, как использует знание русского, поэтому выбрала две специализации — педагогическую и переводческую. Последняя подготовила ее к переводу договоров, контрактов и других документов. Теперь она хочет закончить еще и курсы повышения квалификации по внешней торговле.

— Предприниматели высоко ценят знание русского, но одного языка слишком мало, чтобы обеспечить себе по-настоящему хорошую работу, — подытоживает она.

Похожий путь избирают многие студенты русистов: часто еще учась, поступают на второй факультет, нередко связанный с бизнесом. Для них не секрет, что менеджер со знанием русского языка может рассчитывать на хорошую должность и зарплату. А рынок в этой сфере не будет насыщен еще по крайней мере несколько лет.

Переговоры пахнут блинами

У Агнешки Миколаек учеба уже в прошлом. Она закончила русскую филологию в Ягеллонском университете, а затем факультет торговли и управления сбытом в краковской Экономической академии. Россией увлекается с детства. Когда ей было 12 лет, в ее родную деревушку в Бескидах приехали по приглашению настоятеля местного прихода дети из Белоруссии. Родители Агнешки взяли к себе двух мальчиков —

Андрея и Сергея. Девочка проводила с ними много времени в играх, разговорах и прогулках по горам.

— Они рассказывали о своей жизни в Белоруссии, которая крайне отличалась от наших реалий, — вспоминает Агнешка. — Но меня это вовсе не пугало — наоборот, я слушала с открытым ртом. Тогда же я стала задумываться, почему люди предпочитают ездить отдыхать в Грецию или Италию, вместо того чтобы посетить Россию или Украину.

По ее мнению, именно там их ждет множество мест, которые стоит посмотреть. Увлечение росло вместе с Агнешкой. В выпускном классе она уже знала, что будет изучать русскую филологию в Ягеллонском университете. На всякий случай сдавала еще на охрану окружающей среды. Поступила на оба факультета, но какой из них выбрать — не колебалась ни минуты.

— Когда я забирала документы с факультета охраны окружающей среды, секретарша спросила, что я буду изучать, если отказываюсь от учебы у них. Когда я сказала ей о русистике, она сначала не поверила, а потом разразилась смехом, — рассказывает Агнешка. — К счастью, я больше никогда не встречала такой реакции. Наоборот, в основном меня расспрашивали про этот язык, поздравляли с удачным выбором.

Агнешка Миколаек впервые поехала на восток, будучи еще студенткой. Познакомилась с массой интересных людей, увидела Литву, побывала в Вильнюсе. Попробовала местные лакомства, вкус которых никогда не забудет. А кроме того, на заработанные за неделю деньги купила книги и технические словари. Уже тогда она знала, что русский ей пригодится в будущем. Очередная студенческая поездка забросила ее прямо в Москву.

— Умом Россию не понять, ее нужно почувствовать сердцем. Доброжелательные люди, пейзажи, всю долгую дорогу мелькавшие за окном поезда, климат, движение на улицах, архитектура, мавзолеев, площади, русские церкви, станции метро, хлебный квас из бочки, запах блинов и пирожков... — восхищается она сказочной атмосферой столицы. Сегодня Агнешка совмещает приятное с полезным. Работает в фирме, производящей мебель для ИКЕА. Разговаривает с клиентами и поставщиками сырья из Белоруссии, России или с Украины.

— Переговоры с людьми с востока — занятие, по меньшей мере, нестереотипное, — улыбается она, — тут полезно знать

не только язык, но и тамошние реалии.

Поэтому по вечерам она шарит в русском Интернете и по “аське” связывается с друзьями за восточной границей. Разговаривают они обо всем: о том, как прошел день, об общих знакомых, планах на отпуск.

— В этом году я отдыхала на Украине, а следующую поездку планирую на будущее лето. Мне хотелось бы совершить путешествие по Транссибу до Владивостока, заехать на Байкал, — мечтает Агнешка Миколаек. — Но для такого круиза нужны большие деньги, длинный отпуск и, самое важное, несколько таких же энтузиастов, как я.

Шепчась по-русски

О том, что русский язык пользуется всё большей любовью, хорошо известно Лене Брыкиной. Она приехала в Польшу 14 лет от роду, вместе с мамой и отцом, российским дипломатом. Потом уехала учиться в Москву, но вернулась — и сейчас вместе со своим взрослым уже сыном живет в Варшаве. Зарабатывает, обучая русскому в школе иностранных языков “Эмпик”. Лена — носитель языка, то есть человек, для которого русский язык — родной. Лена в восхищении от того, как в последние годы меняется отношение поляков к русскому языку, как его стали учить и даже любить. Конец 80-х и начало 90-х были для нее временем не из легких и не из приятных.

— Входя с мамой в магазин в Варшаве, я переходила на шепот, чтобы никто не слышал, что мы говорим по-русски, потому что на нас странно смотрели, — вспоминает Лена. — У меня было такое впечатление, что нас тут не любят.

Поляки плохо отзывались о русских и России. Даже учебники в Польше издавались примитивные — всё вроде “Маша села на трактор”. Противно и отбивает охоту учиться. Но теперь всё изменилось: Лена рассказывает об энтузиастах, которые приходят на ее занятия и восхищаются “Востоком”. Со своими учениками она встречается не только в школе. Они вместе устраивают русские вечера. Слушают музыку, смотрят русские фильмы и учатся готовить тамошние блюда, например пельмени.

Все дороги ведут в Петербург

Увлечение “Востоком” чаще всего начинается с путешествия в Москву, Вильнюс или Петербург. Когда несколько лет назад Анна Радецкая возвращалась в Польшу из своей первой поездки

в Петербург, она чувствовала, что должна вернуться в этот прекрасный город. И возвращается, каждое лето. Ане мешало только одно — слабое знание русского.

— Я учила русский три года в средней школе и четыре в лицее, в аттестате у меня была пятерка, — рассказывает она. — Отправляясь в Москву, я была уверена, что объясниться смогу. Оказалось, что не очень — то у меня получается.

Чемодан еще стоял не распакованным по приезду, а она уже сидела в маленькой уютной аудитории и сдавала вступительный тест на курсы русского языка. Прошло пять лет, и поклонница Петербурга сама получила свидетельство, позволяющее ей преподавать язык. Для души она читает рассказы Чехова, конечно, в оригинале, переводит, а недавно работала волонтером на Фестивале российского кино. Днем бегала на занятия на отделение Восточной Европы Варшавского университета, где обязательно изучение грузинского. Пока она не думает о том, как соединить работу с увлечением. Закончила она менеджмент и на работе пользуется английским, которым прекрасно овладела.

— Английский — язык практичный, нужно его знать, — решительным тоном говорит Анна, но признаётся, что глаза у нее загораются, только когда она слышит русский. Поэтому каждый отпуск она проводит на востоке. Ездит в Россию, Белоруссию, на Украину. Уже несколько раз была на курсах русского, организованных Петербургским университетом.

— Советую, это самый дешевый способ не только изучить язык, но и лучше узнать Россию, — говорит Анна. — Для участников курсов предусмотрены большие скидки на билеты в музеи, театры и на балет. А общежитие стоит недорого по сравнению с квартирой или гостиницей.

Русский легче английского

Преподаватели языковых школ утверждают, что поляку намного легче выучить русский, чем английский или немецкий.

— Русский относится к славянским языкам, поэтому поляк, даже не зная языка, всегда сможет объясниться с русским, чехом, словаком, — говорит Магдалена Зюлек-Войнар, главный методист варшавской школы русского языка “Катюша”. Она улыбается. — В ход идет не только оживленная жестикуляция, фантазия, но и терпение.

Труднее всего для нас фонетика — переднеязычное зубное “л” и другие звуки, характерные для русского, — а также грамматика, где у нас есть тенденция пристраивать польские окончания, что не пришло бы нам в голову, если бы речь шла, скажем, о немецком языке. Трудны и иногда неожиданны слова, звучащие одинаково по-польски и по-русски, но имеющие разное значение.

— Это источник многих смешных ошибок, — улыбается Магдалена Зюлек-Войнар. — Не каждый знает, например, что когда русский спрашивает, “открыт ли магазин круглые сутки”, то просто ищет круглосуточный магазин^[1].

Наш врожденный талант к русскому языку подтверждает и Лена Брыкина, которая преподает в Варшаве деловой русский.

— У меня в одной группе были немцы и поляки. Первые очень завидовали вторым из-за легкости, с какой те учились русскому, — рассказывает Лена.

Учителей всё еще не хватает

Закончив один из высших уровней общего языка, люди всё чаще хотят записаться на курсы делового языка. А записаться, между тем, часто не к кому.

— Учителей все еще слишком мало, а спрос фирм растет, — говорит Лена Брыкина. — Даже если бы в сутках было 48 часов, мы могли бы учить деловому русскому безостановочно. Русский хотят знать архитекторы, работники торговых сетей, открывающие свои магазины за восточной границей...

Почему у нас такой бум делового русского языка? Казалось бы, весь мир давно говорит по-английски? Лена Брыкина возражает:

— На Украине не все говорят по-английски, поэтому предприниматели из разных стран, желающие вести дела с украинцами, изучают русский. Всё чаще случается, что фирме нужно срочно выслать своих людей в филиал на востоке. Но ни один из них не знает русского. Единственный выход — это интенсивный курс, но как интенсивно учить языку, у которого другой алфавит — кириллица? В таких ситуациях мы стараемся обращать на алфавит как можно меньше внимания. Наши студенты учатся произносить короткие фразы, не записывая, смотрят короткие фильмы, симулирующие бытовые ситуации. Благодаря этому им удастся овладеть

основами еще перед выездом. Они умеют объясниться, и для начала им должно этого хватить, — объясняет Лена.

Мода на русский приносит прибыль языковым школам. Возможно, уже вскоре к ним присоединятся русские рестораны, магазины с хорошими товарами с востока и туристические агентства. В средние школы под давлением родителей вернутся учителя русского. А отдыхать мы будем ездить не на юг, а на восток.

1. По-польски слово “sutki” означает соски. — Пер.

СЕКТОР — ТРЕТИЙ, ОПЫТ — ПЕРВОКЛАССНЫЙ

История так называемого “третьего сектора” (т.е. неправительственных организаций) в Польше восходит к последнему десятилетию XIX века. Из-за политической ситуации эта сфера деятельности могла начать развиваться снова только после 1989 года. В то время одни организации — такие как, например, “Каритас”, традиции которых уходят корнями в довоенный период, — были восстановлены, другие создавались, удовлетворяя новые общественные потребности.

Сегодня польские неправительственные организации активно действуют практически во всех сферах общественной жизни как в стране, так и за границей. Трудно оценить, сколько в настоящий момент существует зарегистрированных организаций этого типа. Польский интернет-портал <http://www.ngo.pl> содержит информацию о более чем 140 тыс. неправительственных организаций, но эта цифра наверняка не отражает истинных размеров польского третьего сектора.

Всё чаще польская правительственная администрация и органы местного самоуправления относятся к неправительственным организациям как к серьезному партнеру в осуществлении определенных целей и задач.

Потенциал третьего сектора, например, будет использован при реализации Пакта в поддержку социальной экономики, опеку над которым осуществляет Тадеуш Мазовецкий, первый после перемен 1989 г. польский премьер-министр. Пакт этот будет объединять органы местного самоуправления, частные фирмы и неправительственные организации, помогающие начать активную профессиональную деятельность тем, кто не может приспособиться к реалиям рыночной экономики.

Экономические реформы, проведенные в Польше после 1989 г., были необходимы, однако в результате реструктуризации промышленности многие потеряли работу. Как подчеркнул Мазовецкий, “социальная цена этих реформ была огромна, в связи с чем возникла необходимость оказать помощь людям, которые в условиях рыночной экономики почувствовали себя в Польше изгоями. Учитывая тот факт, что ряд регионов Польши из-за отсутствия идей и инициатив не сумел воспользоваться предназначенными на социальные нужды средствами ЕС,

стороны, подписавшие договор, будут обмениваться опытом, организовывать курсы и находить новые рабочие места, а также разрабатывать проекты, которые смогут претендовать на европейские средства. Благодаря этим действиям не только появится шанс возобновить профессиональную деятельность безработных — бывших работников госхозов, но и укрепится идея построения гражданского общества, вполне соответствующая духу „Солидарности”””.

Понятно, что сотрудничество третьего сектора и администрации началось значительно раньше. Уже несколько лет польские НПО играют важную роль в проектах иностранной помощи. В 2002 г. Фонд им. Стефана Батория подготовил публикацию, озаглавленную “Партнерство ради внешней политики”, в которой подчеркивались преимущества такого рода сотрудничества. Неправительственные организации всецело независимы и не выступают от имени государства, поэтому они могут, во-первых, позволить себе значительно более открыто формулировать свою позицию и предлагать решения возможных проблем, а во-вторых — быстро и эффективно действовать, поддерживая таким образом международные действия государства в области образования, гуманитарной помощи и т.д.

Польский МИД несколько раз в году проводит конкурсы среди неправительственных организаций на проекты, осуществляемые в стране и за границей. В 2008 г. на эту цель было выделено 25 млн. злотых. Эти средства были предназначены на проведение польской политики помощи развитию — ответа на конкретные задачи, такие как борьба с бедностью в мире, поддержка демократических преобразований, популяризация принципов справедливого управления и правового государства, мониторинг положения с защитой прав человека. Любопытно, что в конкурсах МИДа в качестве некоммерческих организаций принимают участие и негосударственные вузы, которые таким образом получают возможность заработать средства на свою некоммерческую деятельность.

Накопив богатый опыт осуществления проектов в отдельных областях, польские НПО охотно делятся им с партнерами из других стран. Причем не только с помощью образовательных поездок, направленных прямо на обмен опытом, но и посредством информационной деятельности.

К примеру, при содействии Фонда им. Стефана Батория был создан русскоязычный интернет-портал <http://rus.ngo.pl>, на котором все интересующиеся третьим сектором в Польше

найдут базу данных по организациям из Польши, Восточной Европы и Средней Азии, а еще — программу мероприятий, правовые акты, историю польских неправительственных организаций и т.п. Кроме того, благодаря собранной на этом сайте информации организации могут найти партнеров для осуществления совместных проектов.

Общество “Группа Заграница”, существующее с 2003 года, раз в год выпускает компакт-диск, содержащий информацию на тему польских НПО на трех языках — польском, русском и английском. Как ясно из названия, общество это объединяет польские неправительственные организации, осуществляющие свои проекты за границей.

Роль общества “Группа Заграница” заключается прежде всего в информационной поддержке его членов, которых в настоящий момент насчитывается сорок девять. Каждая из организаций-членов получает информационный бюллетень и данные о планируемых конкурсах, грантах, финансировании различных проектов. Чрезвычайно важен и тот факт, что “Группа Заграница” состоит в европейской сети CONCORD, благодаря чему ее члены имеют возможность не только участвовать в специально организованных семинарах, курсах и конференциях, но и сообщать и влиять на политику в сфере неправительственных организаций. Ведь сеть CONCORD — это европейская конфедерация, объединяющая платформы NGDO (Non Governmental Development Organizations) в отдельных странах Евросоюза, и занимающаяся координацией политических действий NGDO на европейском уровне.

“Группа Заграница” — это, помимо всего прочего, представитель третьего сектора в контактах с МИДом и другими органами государственной администрации. Общество анализирует материалы, касающиеся польской иностранной помощи, а также выступает в качестве наблюдателя в вышеупомянутых конкурсах на гранты МИДа. Важная цель как для членов общества, так и для других организаций, действующих за пределами Польши, — лоббирование закона об иностранной помощи. Принятие этого правового акта позволило бы отдельным организациям осуществлять свои проекты в течение периода до трех лет. В настоящий момент необходимость закрытия годового бюджета в конце календарного года приводит к тому, что управление выделенными на осуществление проекта средствами нередко затруднено. Особенно часто так бывает в случае масштабных проектов иностранной помощи, таких как, например, постройка школы или водопровода. Учитывая тот факт, что

сегодня некоторые неправительственные организации осуществляют программы помощи или обмена опытом в очень многих странах Европы, Азии и Африки, такое решение укрепило бы и партнерские отношения.

Проекты польских НПО, обращенные к российским гражданам, касаются прежде всего образования. Практически у каждой организации, занимающейся такими проектами, есть русский вариант сайта, благодаря чему желающие могут узнать о критериях набора и использовать предложенные организаторами возможности.

Начиная с 1990 г. Хельсинский фонд по правам человека организует Международную летнюю школу прав человека, которая ориентирована на занимающихся защитой прав человека активистов НПО, журналистов и государственных служащих из бывших соцстран.

Интересные курсы для журналистов проводит Фонд польско-чешско-словацкой солидарности. С 1996 г. фонд осуществляет программу “Независимые СМИ”, заключающуюся в обмене опытом функционирования независимых средств массовой информации. Журналисты из России, Украины, Белоруссии, Грузии, Молдавии, Армении, Азербайджана в ходе стажировок и образовательных поездок знакомятся с работой польских коллег и участвуют в лекциях на тему трансформации польских СМИ после 1989 г., законодательного регулирования, журналистской этики, журналистских расследований и т.д. На сегодняшний день в курсах приняли участие около 300 человек из стран бывшего СССР.

Большой интерес вызывает также проект “Study Tours to Poland”, организованный Фондом “Образование за демократию” и осуществляемый в сотрудничестве с рядом других НПО. Проект этот проходит под лозунгом “Узнай Польшу” и рассчитан на студентов из Белоруссии, Украины и Российской Федерации.

Об одной из смен STP, проведенной в 2007 г. Фондом польско-чешско-словацкой солидарности, мне хотелось бы сказать отдельно, потому что я участвовала в ней в качестве переводчика и своими глазами видела кулисы программы. Как и большинство подобных мероприятий, она продолжалась две недели. В течение 12 дней молодежь из Белоруссии, России и Украины имела возможность не только познакомиться с различными аспектами общественной жизни в Польше, но и подружиться с польскими и другими участниками проекта. Программа пребывания была составлена так, чтобы

заинтересовать всех участников, независимо от их образования. Первый доклад — о демократических преобразованиях в Польше после 1989 г. — был своеобразной прелюдией, знакомившей студентов со страной, а за ним последовали самые разные по своей тематике встречи. Оказалось, что не только историка из Львова взволновала экскурсия в Музей Варшавского восстания. После встречи в здании Варшавской биржи будущие экономисты из Сум и Калининграда компетентно объясняли коллегам принципы функционирования фондовой биржи. А по окончании встречи с замминистра финансов Катажиной Зайдель-Куровской молодежь долго обсуждала плюсы и минусы введения евро. Но все рекорды побила встреча с маршалом Сената Богданом Борусевичем, который, лично познакомившись с каждым из участников, подробно ответил на их вопросы, касающиеся современного политического положения в Польше. Большой интерес вызвали также встречи с представителями вузов (Collegium Civitas и отделение Восточной Европы Варшавского университета), причем некоторые из участников курса STP со временем ближе познакомились с осуществляемыми этими вузами программами, в результате чего Катя Смирнова из Калининграда опубликовала свои воспоминания об участии в “Польско-российской школе” (отделение Восточной Европы).

Организаторы этой образовательной поездки вышли также навстречу ожиданиям будущих юристов и не только организовали встречу с судьей Административного суда, но и дали возможность присутствовать на судебном заседании. Конечно, всего не перечислишь. Одним из самых положительных моментов участия в этом проекте стало то, что молодые люди знакомились не только с Польшей, но и — косвенно — с теми странами, представители которых участвовали в образовательной поездке. Благодаря этому преодолевались стереотипы (часто обидные), завязывалась дружба, поддерживаемая до сих пор. Кроме того, участники программы узнали о ряде других инициатив, и уже спустя два месяца многие из них поехали на очередные курсы в Финляндию, Швецию, Венгрию и Польшу. Так что эта программа не обманула ожиданий ни организаторов, ни участников.

Ряд начинаний осуществляет и Экономический форум, организованный Восточным институтом. Эта организация не только проводит экономические форумы (на ближайший год запланирован форум “Европа — Россия 2008”) и многочисленные семинары, дебаты и курсы, но и располагает

стипендиальным фондом для талантливой молодежи, которая оказалась в трудном материальном положении.

Масштабную стипендиальную программу осуществляет Польско-американский фонд свободы. С 2000 г. присуждаются стипендии им. Лейна Киркланда с целью передачи польского опыта в области политико-экономических преобразований молодым ученым из стран Восточной Европы. В 2000–2007 гг. в программе участвовали 267 стипендиатов из Белоруссии, России, Украины, Словакии, Армении, Молдавии, Грузии и Азербайджана.

Конечно, эта статья не претендует на то, чтобы изложить информацию обо всех важных инициативах в данной области, однако надеюсь, что у каждого, кого интересует эта тема, появилась еще одна зацепка — ведь можно искать партнеров, обмениваться опытом, познавать мир.

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Один из самых живучих польских мифов, в то же время часто подвергающийся критике или хотя бы оспариваемый, — это миф о польской Сарматии. Этому мифу — а по сути дела выяснению понятия, часто используемого историками, которые пишут о сарматской “шляхетской нации”, — посвящен главный блок материалов в последнем номере “Пшеглёнда политичного” (№87, 2008). Сарматство воспринимается как почести традиционализму, а значит, как гарантия сохранения самобытности, и споры о его живучести начались еще в эпоху Просвещения, когда новые, “космополитические” тенденции (в том числе и в моде — символом их была замена кунтуша фракком) подвергались критике и осмеивались в тогдашних комедиях. Традиции противопоставлялись современности, и спор этот в принципе идет по сей день, находя свое отражение в откровенно консервативной модели “исторической политики”, которую пропагандирует часть правых публицистов. Они демонстративно отмежевываются от традиций Просвещения, так же как успешно отрезала поляков от этих традиций императрица Екатерина, защищавшая старопольские порядки. Пшемислав Чаплинский, оценивая этот спор, пишет в статье “Конструирование традиций”:

“На протяжении всей послевоенной истории ни современность, ни сарматство не выработали своего повествования. Не возникло и новых нарративов о встрече обеих этих формаций. После крушения идеи прогресса, но в то же время и после того, как идея самостоятельной ценности отечественной культуры пережила распыление, остался только один большой нарратив. Он повествует о непреодоленном конфликте между традиционностью и модернизацией. Результат этого сдвига — всего два героя двухсотлетнего спора: Сармат и Модерняга. У обоих есть свой белый и черный стереотип, и сумма четырех образов управляет дискуссией. Сармат бывает защитником традиций либо воплощением ретроградства. Модерняга — защитником прогресса или предателем национального дела. В зависимости от нужд мы можем извлекать Сармата, чтобы защищать Польшу от ползучей современности, или вооружать Модернягу, чтобы

защищать Польшу от Тьмутаракани. Отсутствие соприкосновения между частными повествованиями, отсутствие контакта и взаимопроникновения их черт приводит к тому, что в споре, посвященном традициям, возобновляется и возобновляется ритуал разделения, а с ним — погружение в мстительные чувства. Все это приводит еще и к тому, что сарматство рубежа XX–XXI веков оказывается пастишем традиционности, а польский проект либеральной культуры — пастишем современности”.

Оценка Чаплинского представляется мне необычайно верной. Если перевести ее на язык сегодняшних споров, на стороне Сармата следовало бы видеть глашатаев “исторической политики”, таких как политолог Рышард Легутко или публицисты нынешней редакции газеты “Жечпосполита”, на стороне Модерняги — социолога Павла Спевака или политолога Ярослава Говина. Иными словами — и понимая, что здесь есть известное упрощение, — на стороне первого оказалась бы идеология “Права и справедливости”, на стороне второго мы нашли бы выразителей духа “Гражданской платформы”. Что интересно, Чаплинский как будто помещает вне территории спора, то есть как бы отставляет на обочину круг авторов и публицистов “Газеты выборчей” во главе с Адамом Михником — быть может, потому что у них отсутствуют какие бы то ни было ссылки на сарматство, которое остается исходной точки анализа автора, завершающего свою обширную статью таким заключением:

“Выводы, вытекающие из вышеприведенных рассуждений, складываются в парадоксы. Во–первых, плебейское сарматство, будучи претворением старинной культуры, — это заведомо одна из самых живучих традиций польского духа. Оно вмещает в себя знаки национального и религиозного самосознания, несет отчетливые образцы признания чужого достоинства и стремления к собственному достоинству. Трудность состоит в том, что традиции ценны настолько, насколько наше время способно их впитать, не теряя собственного состава. Прочные и великие традиции — это традиции открытые, мобильные, напоминающие скорее палимпсест, на котором всё новые и новые группы и поколения могут дописывать свой собственный текст. Между тем наследие сарматства оказывается узким, неподвижным и вдобавок опирающимся на механизм отвержения, без которого оно не способно проводить процедуры обмена уважением. Во–вторых, сарматское наследие польского духа — что представляется важным и ценным — не удастся ни вплести в плюралистическое множество равноправных культурных

предложений, ни отвергнуть. В то же время любые попытки статического введения этого наследия в современность оживляют склонность к ксенофобии. В-третьих, сарматское наследие польского духа ознаменовано оттенком чудачества. Сарматство в описаниях историков и культурологов — это непонятная мешанина безусловного гостеприимства и ксенофобии, доверия к традициям и сильного анархизма, нелюбви к людям и культа Девы Марии, отсутствия рациональных аргументов и полной уверенности в „святой правоте“, набожности и экзистенциального разгула, пышности, за которой таится бедность, эстетики, хорошей лишь как проявление локальности (в таком дурном вкусе, что прямо хорошо!). Его составные элементы, таким образом, — предрассудок, излишество и культурные стимулы к самовыражению через крайности. Все это приводит к тому, что сарматство как предмет гордости и причина стыда сплетено неразрывно, создавая незаурядный стигмат — знак отличия и клеймо одновременно. Любая попытка героически опереть наследие на современность рискует быть смешной, а единственной эстетикой, которая предлагает „самоодобрение себя смешного“ и которая убирает из сарматства агрессивность, оказывается камп — эстетика отверженных”.

Культуре кампа — о которой, пожалуй, первой писала Сьюзен Зонтаг — посвящен целый номер (2007, №3–4) издаваемого в Бжеге (еще одного в Силезии после 1989-го) журнала “ред” (название можно читать как сокращение от слова “редакция”, и это, наверное, так, но возможен и вариант от английского “красный”). Рядом с переводными текстами, например статьей Филиппа Кора (Core) “Ложь, которая говорит правду”, Эндрью Росса “Очертания кампа”, Марка Буза (Booth) “Campe-toi!”, не видно никаких отечественных высказываний, но их отлично заменяет пародийный (а тем самым и пастишный) прозаически-поэтический триптих краковского поэта и прозаика Петра Собольчика “Сцены из Трилогии”. Автор, исходящий из “сарматского” по духу произведения Генрика Сенкевича, написанного в эпоху разделенной Польши “для ободрения душ” и входящего в обязательное чтение, — это еще один писатель — но на этот раз уже из молодого поколения, — который пробует разобраться с “хлопотливым наследием” польского сарматства, профильтровывая его через модную сегодня “поэтику” гомосексуальных нарративов, т.е. как раз повествований отверженных. По сути вся эта “эстетика кампа” приближается к границам китча, а иногда и переходит их, и если всерьез отнестись к диагнозу Чаплинского, то как раз в этом пространстве сегодня идет дискуссия о польском

самосознании. Впрочем, и сам Чаплинский говорит об этом прямо:

“Вот каковы трудности с сарматским наследием польского духа: без сарматства нет широкого сообщества, но само оно заражает сообщество презрением к инаковости; нельзя, чтобы его не было в плюралистической польской культуре, и в то же время оно ставит самый сильный отпор плюрализму; без него мы не проявим своего отпечатка — с ним мы никогда от этого отпечатка не избавимся. Сарматство не приносит решения ни одной из этих проблем. Но оно позволяет понять, что они существуют — и что поздняя современность эти проблемы скорее усиливает, чем располагает какими-то хорошими проектами. Таким образом, мы находимся в критическом моменте: на наших глазах распадается великий современный нарратив, а занимающие его место локальные нарративы никого не удовлетворяют. Великий нарратив о конфликте традиционности с модернизацией — единственный, которым мы владеем. Когда он исчерпается, мы вступим в пастиш постмодерна”.

Только ли пастиш? По сути дела искусство и литература по-прежнему кормятся самими собой, и любая игра с тем или иным канонам, с той или иной традицией — это одновременно и попытка выйти из навязываемых себе ограничений, и ужесточение этих ограничений, и в этом смысле польская шляхетская культура, называемая сарматством, остается неизбывной точкой отсчета. Создавая пространство свободы, мы одновременно по-прежнему способны — независимо от того, в какой роли выступаем, Сармата или Модерняги, — уберечься от самоволия и полной произвольности. Тем не менее, и на это обращает внимание Дариуш Новацкий в статье “Общие и необщие места” в катовицком ежеквартальном журнале “Ополе” (2007, №4), где помещен блок материалов относительно канона и авторитетов, — канон начинает подвергаться эрозии. Анализируя самые последние сочинения польских прозаиков, в которых идет игра с более или менее известными произведениями мировой литературы (в скобках хотел бы рекомендовать замечательный, тысячестраничный с лишним роман Яцека Дукая “Лёд”, где от аллюзий, ассоциаций и скрытых цитат прямо некуда деться, и в то же время этот роман — амбициозная попытка переистолковать “русский мотив” польской литературы; предупреждаю: это “фантастика”, но высочайшего полёта), Новацкий замечает, что то, что раньше было очевидностью, сегодня вовсе не обязано быть очевидным:

“Несколько приведенных примеров показывают, что с общими местами происходит что-то тревожное. Либо на них указывают пальцем, совершенно не веря в то, что читатели, по крайней мере некоторые, располагают каким-то капиталом эрудиции; либо же они удивляют, иногда раздражают, по временам смешат. Вне зависимости от того, с какой из этих крайностей мы имеем дело, об общих местах можно сказать, что они как будто всё менее общи. Оказывается, что „общество” их не способны уловить даже специализированные читатели”.

Это рассуждение стоит поддержать довольно верным примером:

“В одной из первых сцен „Мятежа” Мариуша Сеневича (2007) в квартире главного героя появляется старуха, которая, усыпив бдительность хозяина, бьет его по голове вынутым из-за пазухи топором. Старуха плюс топор равняется... известно чему. Писатель из Ольштына не доверяет этой очевидности (тому, что, поставленные рядом, эти два мотива вызовут ассоциацию с тем, с чем вызывают), поэтому еще в три шага досказывает то, что, казалось бы, не требует досказываний. Сначала рассказчик, комментируя изумление героя (удар оказался неудачным), замечает: „Мы же отлично знаем эту сцену, только тогда было наоборот”. Затем, страницей дальше, он говорит: „Кому-то тут предстояло стать убийцей, кому-то предстояло уже некоторое время лежать мертвым. А преступление и наказание — это попугайчики-неразлучники, подкармливаемые ручкой Сони”. И наконец на третьем шаге — в рамках диалога — обнаруживается, что старушку зовут Раскольниковская”.

Да, видно, нам становится трудно справляться с собственным самосознанием, притом сразу на многих уровнях. Поэтому стоит на всё посмотреть со стороны, что обеспечивают нам высказывания всех, кто стремится — хотя бы потому, что они иностранцы (но, с другой стороны, остается ли по-прежнему таковым и способен ли стать по-над польскими разделениями иностранец, феноменально знающий польский язык и многие годы занимающийся польскими делами), — видеть наши традиции и вопросы самосознания без необходимости втягиваться в текущие споры. К таким авторам вне всякого сомнения принадлежит Даниэль Бовуа, французский историк, уже несколько десятилетий изучающий узел исторических связей Польши, России и Украины, глашатай просвещенческого подхода. В статье “Современное манипулирование сарматством” в вышеназванном номере “Пшеглэнда политичного” он пишет:

“В последние годы усиление прямо—таки ритуального восхваления сарматства заставляет рациональные умы (в число которых я включаю и себя) воспротивиться. У моих соотечественников—французов был Морис Баррес, теоретик национализма в петеновском варианте, — он всегда выдвигал на первый план родимое и свойское; это напоминало немецкую концепцию „Blut und Boden”. Теперь, читая в „Европе”, приложении к варшавской газете „Дзенник”, статьи Эвы Томпсон, польской эмигрантки в США, я испытываю впечатление, что мир не изменился с начала XX века. (...) Как историк дружественный, но стоящий в сторонке, позволю себе выразить здесь мое удивление слегка неразумными восторгами моих польских коллег по поводу бывшего республиканства, особенно же по поводу новых склонностей изображать „шляхетскую демократию” первым примером европейской гражданственности, свободы, равенства, терпимости и парламентаризма”.

Вслед за этим Бовуа резко расправляется с отождествлением понятий “шляхетской нации” (в Польше, напомню, шляхта составляла целых 10% населения) и “политической нации”:

“Поговорка о шляхетском равенстве^[1] стала в не слишком требовательном воображении рядового поляка своего рода истиной, а учебники истории по меньшей мере не заботятся об исправлении этой ошибки. Прелесть сарматского дискурса тем и характерна, что даже неизвестно, как поговорка о равенстве возникла. Была ли она создана мелкой шляхтой как проявление ее чаяний? Или же ее выдумали власть имущие, чтобы обмануть маленького человека и манипулировать им, чрезмерно его превознося? Мы сейчас увидим, что с самого начала существования шляхты было отчетливо видно расхождение между немногочисленной гражданской шляхтой и огромным множеством шляхты, лишенной политических прав. Это позволит нам показать, что новейшая историография, представляющая якобы решающую роль „шляхетских масс” в идеальной сарматской системе „национального представительства”, включая „поветовую демократию” (сеймики) и великолепный парламентаризм (Сейм), предлагает нам сильно деформированную конструкцию. Нам скажут, что приукрашивание сарматских традиций было неизбежно, а может быть, и нужно в стране, где шляхетская культура безраздельно царила вплоть до XX века и где только она была способна активно содействовать выживанию нации в эпоху разделов и советского господства. Но не помешало бы проанализировать, приемлемы ли некогда

простительные сарматские порывы теперь, когда Польша вернулась в семью „нормальных” европейских государств”.

И под конец статьи — еще одно замечание, где автор указывает на роль сарматского мифа в той “исторической политике”, которая с некоторого времени действует в Польше:

“Так же как античная культура и античные ценности представляли собой для сарматов маскарадный костюм, сегодня фальсификация истории сарматской эпохи представляет своего рода маскхалат современного поляка. Ну что ж, у меня складывается впечатление, что сеть псевдоценностей, весь метаязык мифа выглядят мощнее, чем честная история”.

Это удар сильный и в значительной степени меткий, хотя признаюсь, что я и сам к сарматскому мифу весьма привязан, а давний тезис историка Януша Тазбира, согласно которому живучесть мифа шляхетской культуры была основой всех антитоталитарных выступлений польской интеллигенции, кажется мне истинным. Расстаться с мифом трудно, а продолжать жить внутри него — невозможно, что довольно верно показал Чаплинский. Можно только надеяться, что фундаментальное переистолкование канона национальной культуры даст возможность выдвинуть интеллектуальные предложения, привлекательные и для “нормальных” европейских государств, раз уж среди них возникла культура кампа. А пока что я с растущими опасениями наблюдаю действительность, в которой камповая эстетика китча, похоже, воцарилась — особенно в политической жизни.

1. Популярную поговорку, которую имеет в виду Д.Бовуа, проще всего перевести как “Шляхтич в огороде равен воеводе”, хотя речь по-польски идет, конечно, не об огороде, а о “загроде” — имении (пусть самом маленьком). — Пер.

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

• 6 марта на 86-м году жизни скончался Густав Холоубек — легенда польского театра, великий актер и необыкновенный человек. Он выступал на сцене более 60 лет, сыграл сотни театральных ролей, снялся в нескольких десятках фильмов. Писал сценарии, ставил спектакли, учил студентов актерскому мастерству. Случалось, что его увлекала стихия политики. Дважды он был депутатом Сейма ПНР. В 1982 г., после введения военного положения, он сложил с себя депутатские полномочия, в результате чего у него отобрали Драматический театр, директором которого он был много лет. После смены государственного строя Холоубек заседал в Сенате первого созыва, а потом в совете по делам культуры при президенте Лехе Валенсе.

В историю он вошел благодаря роли Густава–Конрада в знаменитой постановке “Дзядов” Казимежа Деймека в варшавском Национальном театре. Снятие с репертуара драмы Мицкевича послужило толчком к событиям марта 1968 года. Демонстрации студентов, протестовавших против запрета “Дзядов”, были жестоко подавлены, а коммунистические власти развязали антисемитскую кампанию, в результате которой несколько тысяч польских евреев были вынуждены эмигрировать.

• На следующий день после смерти артиста режиссер Ежи Яроцкий сказал: “Холоубек показал всем нам, что актерство состоит из множества зачастую неуловимых элементов. Это алхимия, которая с трудом поддается определению. Герои, которых он играл, были озарены ореолом его личности. Так создавалась фигура, полная метатеатра и метафизики. Именно этот ореол позволил вознести ввысь его Густава–Конрада в “Большой импровизации”. Роль эта стала, и не только для меня, одним из самых сильных переживаний в послевоенном театре”.

Анджей Лапицкий разделяет мнение о том, что Густав Холоубек обладал небывалой сценической силой, был одним из гениев актерского мастерства. Знаменитая роль в “Дзядях” в 1968 г. вывела людей на улицы, что свидетельствует о его огромной силе воздействия.

- Актер ушел накануне 40-й годовщины мартовских событий. Впрочем, 30 января, будучи уже очень больным, он все-таки успел принять участие во встрече в Национальном театре, посвященной тем драматическим дням. “Среди гостей на том вечере был Густав Холоубек — такой хрупкий, уже погруженный в дела, недоступные людям, — рассказывает театральный критик Томаш Мостицкий. — Мне вспоминается один эпизод, который я запомню до конца жизни. На большом экране, повешенном на сцене Национального театра, мы увидели Холоубека, услышали, как он произносит слова из “Большой импровизации”. После чего воцарилось молчание, а затем разразился гром аплодисментов. Весь зал встал, и овации Густаву Холоубеку не стихали несколько минут. Последние в его жизни аплодисменты подытожили эту совершенно необычайную биографию, наверное, лучшим, самым прекрасным образом”.

- Друзья и коллеги вспоминают Густава Холоубека не только как артиста, но и как человека. “Он был шедевром Господа Бога, прекрасно изваянным человеком, — говорит Казимеж Куц. — Ум, отличная память, чувство юмора, прекрасный язык... Всё это в нем было. Благодаря его поступкам хотелось общаться с другим человеком”.

- Кшиштоф Занусси: “Его величие было естественным. Он всегда играл умно, глубоко понимал текст. Холоубек был крупной личностью, но в то же время и остроумным человеком. О его анекдотах ходят легенды”.

— Основой всего был для него Краков, откуда он родом, — Краков медленный и консервативный, — считает Марек Кондрат, который еще ребенком играл вместе с Холоубеком в фильме “История желтой туфельки”. — Он тоже был консерватором. Из всех новых блюд во всех новых ресторанах всегда выбирал ломтик хлеба с маслом. Всю жизнь он оставался краковским мальчиком, гонявшим с приятелями мяч во дворе. Только мяч он сменил на карты, а приятелей завел за столиком в “Читальнике” и у Бликли.

- Тадеуш Конвицкий, который в течение нескольких десятков лет почти ежедневно встречался с Густавом Холоубеком, не делился воспоминаниями об умершем друге. “У меня нет сил”, — говорил он журналистам, садясь за пустой столик в кафе издательства “Читальник”. Литературный портрет Холоубека он нарисовал тридцать лет назад, в книге “Календарь и клепсидра”:

“Гученька был Густавом – волшебником. Была в нем та потрясающая магия, из-за которой, читай он хоть телефонную книгу, у людей по спине бегали мурашки. А сила его бралась из огромной сосредоточенности и огромного одноразового выброса энергии. (...)”

Гученька инстинктивно заботился о гигиене своей демонической души. Он как заразы боялся мещанства, как анемии — актерской позы, боялся ущербности трудолюбивого профессионализма. И такой вот Гученька, совершенно штатский, таинственный иллюзионист с краковского Звежинца, никем не унятая стихия свободной воли, такой вот Гученька выходил на сцену и гипнотизировал озабоченную, усталую варшавскую публику”.

- Густав Холоубек увлекался футболом, всю жизнь был верным болельщиком “Краковии”. “Я бы хотел быть похороненным в штрафной площадке стадиона “Краковии”, чтобы уже целую вечность смотреть матчи моей команды”, — повторял он с улыбкой. Он почил на варшавских Старых Повонзках. Президент Лех Качинский удостоил его посмертно высшей польской награды — ордена Белого Орла. Гроб артиста был завален сотнями венков и цветами. Грянул залп траурного салюта, а над могилой прозвучали гимн Польши и краковский Мариацкий хейнал.

- Празднование 40-летия мартовских событий не прошло без неприятных инцидентов. На торжественное награждение героев марта 1968 г. в президентский дворец не был приглашен Адам Михник. Стоит напомнить, что началом вышеупомянутых событий стал митинг протеста 8 марта 1968 г., организованный в защиту двух исключенных из Варшавского университета студентов: самого Адама Михника и Генрика Шляйфера.

В знак солидарности с Михником актеры познанского Театра Восьмого дня — Эва Вуйцяк, Тадеуш Янишевский, Мартин Кеншицкий и Адам Боровский — решили вернуть Леху Качинскому награды, врученные им в декабре 2007 г. по случаю 30-летия Студенческого комитета солидарности.

— Точь-в-точь как в министерстве правды у Оруэлла: исправляют старые газеты, выдирают фотографии одних людей, а вклеиваются других, — заметила Эва Вуйцяк. — То, что Михник не получил ордена, просто в голове не укладывается.

Уточним: Михник не только не получил ордена, но и не был приглашен на торжества в президентский дворец. Сам он прокомментировал это коротко: “Видимо, господин президент счел, что так будет правильно и справедливо”.

- Театр Восьмого дня — легенда польского альтернативного театра 70–80-х годов. Основанный в 1964 г. в Познани как студенческий театр, он стал важнейшим коллективом этого направления. Власти его не любили. Спектакли “Восьмерок” были острыми, ироничными комментариями на тему пээнэровского абсурда и подлости системы. Во время военного положения театр выступал на улицах и в церквях.

Через несколько дней после заявления познанских актеров по телеканалу “Культура” можно было посмотреть телевизионный вариант известного спектакля Театра Восьмого дня “Папки”. В спектакле используются материалы Института национальной памяти.

После театральной премьеры спектакля Аннета Кызёл писала в “Политике”: “Можно было ожидать худшего: артисты, которых много лет травили, хотят отомстить своим доносчикам. Между тем спектакль получился легким, забавным. Он не только не наводит скуку, но и — несмотря на свой весьма статичный характер — втягивает. Решающим фактором оказалась отстраненность, с которой “Восьмерки” подошли к своему прошлому. Чтение извлеченных из ИНП материалов сопровождалось улыбкой жалости, демонстрируемые записи спектаклей 70-х годов — улыбкой меланхолии, а передающие атмосферу ПНР гротескные сценки — просто смехом. Верх берут два чувства: абсурда — что к нескольким двадцатилетним молодым людям, спорящим за водкой о литературе и философии, играющим в театр, а в перерывах бегающим на демонстрации, власти относились как к реальной угрозе для социалистического строя. А также гордости — за то, что исповедуемые ценности не позволили им разделить печальной судьбы доносчиков, родившаяся же тогда дружба жива до сих пор”.

Добавить тут нечего. Кроме разве того, что “Восьмерки” продолжают верить в дружбу, а дружить умеют не только друг с другом.

- 2008 год проходит под знаком Збигнева Херберта. Сейм еще в прошлом году решил почтить память “поэта, творчество которого, отсылая к великой традиции европейской культуры, обогатило ее и укрепило”. Запланировано множество

мероприятий, в т.ч. пленэрный спектакль на столичной площади Красинских, выставки и дискуссии.

Год Князя поэтов начался с мультимедийного спектакля “Лирикоеды. Херберт”, показанного 18 февраля в варшавском Большом театре. Режиссер Моника Гроховская решила привлечь к театру внимание молодежи и использовала множество нестандартных решений. В спектакле — на трех этажах театра, на сцене и в кулуарах — приняли участие молодые актеры, ди-джеи и специалисты по созданию “в реальном времени” визуальных эффектов к музыке разных жанров. Стихи Херберта можно было скачать в виде файлов MP3 на мобильный телефон, можно было постоять возле музыкального автомата, послушать, как исполнял свои произведения сам поэт. Проект “Библиотека” предлагал из отрывков произведений Херберта сложить “собственные” стихи, а потом сравнить их с оригиналами.

Хербертовские дискуссии, подготовленные Национальной библиотекой, будут посвящены разным аспектам жизни и творчества поэта: его путешествиям, духовности, взгляду на роль литературы, на общественные и политические вопросы. Две из них — “Херберт и польский дух” и “Может ли поэт быть философом” — уже состоялись. Работает и интернет-портал www.herbert2008.pl, на котором можно ознакомиться с полным списком мероприятий, посвященных году Збигнева Херберта.

- 50-летие своего существования отпраздновал заслуженный католический журнал “Вензь”. В связи с юбилеем члены редакции получили правительственные награды: офицерский крест ордена Возрождения Польши — Войцех Вечорек, кавалерский крест ордена Возрождения Польши — Юзеф Целинский, Стефан Франкевич, Цезарий Гаврысь, Зофья Хуща-Гронтковская, Павел Кендзеля и Ядвига Олещук.

В празднествах приняли участие, в частности, Тадеуш Мазовецкий — один из создателей и первый редактор журнала, проф. Владислав Бартошевский, епископ Станислав Будзик — секретарь Конференции епископов Польши, митрополит Казимеж Ныч, а также архиепископ Юзеф Ковальчик — папский нунций в Польше.

- Уже в двенадцатый раз прошел Пасхальный фестиваль Людвиг ван Бетховена, генеральным директором которого с самого начала остается Эльжбета Пендерецкая. Концерты состоялись в Варшаве: в Национальной филармонии, Королевском замке и Большом театре — Национальной опере, — а также в Кракове, Гданьске, Лодзи и Белостоке.

Фестиваль назывался “Бетховен и его Вена”. Начался он в Национальной филармонии с бетховенской “Missa solemnis” ре мажор, соч.123 — сочинения, которое считается одним из величайших сакральных произведений в истории музыки. Событием в своем роде критики признали исполнение кантаты Арнольда Шенберга “Песни Гурре”. “На самой большой сцене мира, в Национальной опере, с трудом поместились все исполнители: почти 150 музыкантов Национального симфонического оркестра Польского радио, три хора (Национальной филармонии, украинская “Думка” и литовский “Каунас”), не говоря уже о солистах, — писал Яцек Марчинский в “Жечпосполитой”. — В последний раз кантату “Песни Гурре” можно было слушать в Польше более 30 лет назад. Не только из-за отсутствия столь крупного коллектива. У нас нет собственных исполнительских традиций для такого рода монументальных сочинений, приходится обращаться к заграничным артистам”.

В финале кантаты выступила меццо-сопрано из Германии Христа Людвиг. На протяжении своей долгой сценической карьеры она сотрудничала с крупнейшими мастерами — дирижерами — в частности, с Караяном и Леонардом Бернштайном. Музыкальная академия им. Фредерика Шопена удостоила 80-летнюю артистку докторской степени *honoris causa*.

- Имитация шляхетского сказа авторства Кристиана Пивоварского стала исходной точкой интересного театрального спектакля. Люблинская компания “Театр/Провизориум” поставила спектакль “Номо polonicus” по почти неизвестному произведению современного автора из Ченстоховы (книга была издана шесть лет назад тиражом 300 экземпляров). Действие происходит в середине XIX века в имении Станиславовка, затерянном среди полей и лесов где-то в центральной Польше, герой — некий князь Станиславчик, помещик, мечтающий стать королем Польши: “Одних приструнит, другим даст поблажку и будет царствовать”. Сарматский Король Убю, одержимый ненавистью к крестьянам, немцам и евреям.

“Номо polonicus” заслужил высокую оценку рецензента “Газеты wyborчей”. Роман Павловский в статье, озаглавленной “Анатомия польского характера”, сделал вывод, что “история здесь — только костюм, изысканная старопольская фраза скрывает острую современную сатиру на польские пороки: ксенофобию, прожектерство, оппортунизм, культ прошлого (...) Сны о могуществе смешаны тут с гротескной картиной провинциальной Польши, снедаемой коррупцией, живущей

легендами о собственном былом величии. Станиславовка — это анти-Соплицово, выродившееся шляхетское гнездо из поэмы Мицкевича”.

В конце Павловский без иллюзий добавляет, что *homo polonicus* — вид широко распространенный, как и *homo sovieticus*, определение которому дал когда-то Александр Зиновьев.

• До 30 марта в варшавском Музее литературы можно посмотреть выставку “Заметки отца Баки о неминуемой смерти”. Много лет этот виленский иезуит, преподаватель риторики и проповедник, считался забавным рифмоплетом, символом графомании и всевозможной нелепицы. В XX веке на осмеянного монаха посмотрели дружелюбнее, в его лице открыли интересного поэта эпохи позднего барокко, со своим оригинальным слогом и ритмикой. Его произведения даже стали источником вдохновения для таких поэтов, как Станислав Гроховяк и Ярослав Марек Рымкевич. Мы не знаем, как выглядел Бака, — ни одно его изображение не сохранилось. На варшавской выставке показаны портреты его современников: аристократов, шляхты и духовенства XVIII в., а также посмертные портреты, характерные для польской барочной культуры. Есть и иллюстрации Яна Лебенштейна к “Заметкам о неминуемой смерти”, а также — выставляемые впервые — проекты витражей этого прекрасного художника.

• Что может быть лучше скандала! В мае прошлого года министр образования Роман Гертых из “Лиги польских семей” вычеркнул из списка школьной литературы произведения Гёте, Кафки, Конрада, Достоевского, Виткевича, Герлинга – Грудзинского, а также “Трансатлантик” и “Фердидурку” Витольда Гомбровича. “Трансатлантик”, заявил министр, — “это книга о человеке, который в 1939 г. увиливал от службы в армии и отправился в Аргентину искать приключений”. А замминистра Мирослав Ожеховский, тоже из ЛПС, обвинял Гомбровича в пропаганде гомосексуализма.

Позиция обоих этих господ вызвала протесты учителей, ученых и творческих кругов. Ученики устраивали пикеты под министерством, а книжные магазины охотно выкладывали на витрины “запрещенные произведения”.

Результаты нетрудно было предугадать. Интерес к книгам Гомбровича резко возрос. Особенно подскочила продажа “Фердидурки” — на 70%. Радует краковское “Выдавництво литерацке”, радуется и Рита Гомбрович, вдова писателя, которая комментирует эффекты политики Гертыха так: “Министр образования боялся влияния Гомбровича на

молодежь, а я счастлива видеть ее вполне гомбровичевскую реакцию”.